

ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ ЛЮБОВЬ РЕМЕЗОВА

АРТЕФАКТИКА
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Колдовские тайны

Дарья Снежная

**Артефактика. От
теории к практике**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Снежная Д.

Артефактика. От теории к практике / Д. Снежная — «Эксмо»,
2017 — (Колдовские тайны)

ISBN 978-5-699-93672-4

Темные дела творятся в мастерской О'Туллы, в одной из лучших мастерских Лидия, а значит, и королевства. И пусть бы просто украли бумаги да взломали щиты, но ведь и с мастерами происходит неладное. Да что там с мастерами – досталось даже стажеру-подмастерью! Кому понадобилось вмешиваться в мирные дела мастерской? И почему думать об этом вынуждена стажер одной из лучших мастерских Лидия (а значит, и королевства!), Нинон Аттария?! Пусть прима-мастер Максимилиан Шантей об этом думает, ему по статусу положено!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93672-4

© Снежная Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1. Здоровая практичность и ее последствия, или О том, как одна юная барышня угодила в путы своего начальника	6
Глава 2. Тонкие девичьи натуры, или О стрессе и его последствиях	19
Глава 3. Великая сила взгляда, или О любви к городу, работе и сосискам	29
Глава 4. Уборка как возмездие, или О древнейших способах обучения плаванию	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дарья Снежная, Любовь Ремезова

Артефактика. От теории к практике

© Снежная Д., Ремезова Л., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Эта книга посвящается Нинон. Замечательной девочке,
подарившей главной героине кудряшки, ресницы и имя!*

Глава 1. Здоровая практичность и ее последствия, или О том, как одна юная барышня угодила в путы своего начальника

Ближе к обеду, минут за двадцать до перерыва, когда все работники уже мысленно переносились кто в ближайшие кафешки, кто к упакованным в сумки бутербродам, в мастерскую заглянул прима-мастер Шантей. Он окинул взглядом помещение мастеров-артефакторов, нас, стажеров, за верстаками и, упершись взглядом в Юджина, велел:

– Через пять минут быть в моей мастерской. Расчертишь мне пентаграмму под насыщение силой турмалинов, упреждающий коэффициент для серебра. Масштаб 0,8 от стандартного.

И исчез, даже дверь не хлопнула.

– Я ему не личный подмастерье! У меня свои обязанности, на каком основании мастер Шантей мной распоряжается?! – бесился веснушчатый рыжий Юджин, а я смотрела на него и не верила своим ушам. А ведь вроде не дурак!

– Ты совсем рехнулся, что ли? – на всякий случай уточнила я у однокашника. – Ты что, не понимаешь, да? Делать черновую работу для прима-мастера – это значит наблюдать за его работой. Юджин, не позорь родные пенаты. Бегом побежал!

На последних словах я рывкнула с отчетливо командирскими интонациями, Юджин ожидаемо растерялся, а я невозмутимо продолжила шлифовать выданные мне полудрагоценные камни. Монотонная работа, нетворческая и нудная. Требуемая не квалификации, а педантичного внимания.

Дверь в общую мастерскую снова приоткрылась, мастер Шантей просунул в нее голову.

– Я передумал. Ты, мальчик, – глядя прямо на меня, объявил он, – иди и начерти. Требования и параметры ты знаешь.

Я обалдела. Совсем как от моего собственного наезда – Юджин. Уставилась на прима-мастера, вытаращив глаза. Что сказать-то ему? Что я вообще-то девочка? А то это не очевидно! У меня грудь, а при ней – вырез! Я таращилась на мастера, он смотрел в ответ. Столь светло и безмятежно, что с абсолютной ясностью поняла – знает. И грудь мою однозначно видит.

– Что-то не так? – умиротворенно спросил мужчина. – Тебя что-то не устраивает?

– Все так! – вовремя захлопнув рот, бодро завершила я. – Меня все устраивает!

А потом торопливо упаковала камни обратно в коробку и, сопровождаемая вяло любопытными взглядами (Ну понадобилась приме помощь подмастерья, ну, выбрал он кого помышленнее, что такого? А что мальчиком назвал, так, может, оговорился! Не исправляться же? На то он и прима!), поспешила вслед за артефактором на второй этаж.

Мы работали здесь всего ничего, подходила к концу первая неделя, поэтому если более-менее выучить по именам всех местных я успела, то что они собой представляют в плане личного общения, еще понятия не имела. А главных мастеров, работающих в отдельных кабинетах этажом выше, и видела-то от силы по разу каждого. Причем одного – перед отъездом в длительную командировку.

Мужчина толкнул дверь с бронзовой табличкой «Ведущий мастер Максимилиан Шантей» и тут же махнул рукой в сторону заваленного бумагами и материалами стола, соседствующего с его рабочим.

– Можешь сесть туда, материалы и инструменты там. – Еще один взмах в сторону заставленных коробками полок. – Если не найдешь чего, спроси у Кайстен. Через час приду, проверю.

Я открыла рот, вспомнив про перерыв, и тут же закрыла под насмешливым взглядом серых глаз артефактора. Он дождался утвердительного кивка и покинул мастерскую, оставляя меня в одиночестве.

Ух, как мне захотелось хорошенько осмотреться, сунуть нос во все щели, подержать в руках все инструменты, изучить, что же разложено на столе мастера... но не пристало без полу-года выпускнице Лидийской государственной школы артефактики вести себя подобно перво-клашке на экскурсии в музее.

...Да и без рук остаться можно, если хватать что ни попадя на столе у артефактора такого ранга...

Так что любопытство пришлось затолкать поглубже и взяться за дело. Для начала – разгрести место.

Ну и бардак!

Слышала я краем уха, что мастер Шантей личного подмастерья сейчас не держит, вот было бы здорово стажировку проходить у него, а не в общей мастерской. Прима-мастер! А ему ведь и сорока нет. Да и какое сорока... русский ежик без признаков седины, осанка уверенная, походка стремительная, морщины если и есть, то только «смешливые» – в уголках глаз. А главное – живой, любознательный взгляд. Энергия так и брызжет! Да ему тридцать с хвостиком едва наскребется. Вот это было бы настоящее дело!

Я распахала свитки и книжки по краям широкого стола, отыскала необходимые принадлежности. Как он там сказал? Масштаб 0,8 от стандартного?

Набросать на клочке бумаги цифры, прикинуть размер и положение на листе...

Работа знакомая, мы на выпускных экзаменах почти то же самое делали, а уж сколько я бессонных ночей провела при подготовке, вычерчивая, вычерчивая... все окрестные мусорные баки потом своей бумагой забила! Зато теперь линии легко ложились, четко, ровно. Даже не нужно лишний раз расстояния выверять.

Хотя я все равно выверяла. На всякий случай.

Мастер вернулся, как и обещал, через час, когда я уже добавляла чертежу последние штрихи. Приблизился, заглянул через плечо. Я отвела руки, позволяя рассмотреть всю работу, сцепила пальцы в замок и скосила глаза, наблюдая за выражением его лица – понравится не понравится? Был у нас учитель один, так он принципиально считал, что ученик все сделать правильно не может – на то он и ученик. Ох, пока мелкие были, как мы рыдали от злости и несправедливости, когда он находил полумиллиметровый сдвиг в чертеже, который даже и никакого значения не сыграет при построении, и снижал оценку.

Понимание того, что выдрессировал он нас зато как щенят и что группы, которые у него учились, в старших классах были впереди всех одноклассников, пришло позже. В чертеже я не сомневалась, но было интересно, как его мастер оценит.

Мужчина пробежался по рисунку беглым, но цепким и внимательным взглядом и хмыкнул одобрительно, усмехнувшись уголком губ.

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Нинон... – Я на мгновение даже растерялась, а потом торопливо добавила: – Аттария. Мужчина задумчиво потер подбородок.

– Что из этого имя, а что фамилия?

Я возмущенно распахнула рот и только спустя пару мгновений уловила, что насмешка в голосе была совершенно беззлобная. Может, это проверка такая?

– Нинон – имя. Аттария – фамилия, – отчеканила я как можно спокойнее.

– Только не говори мне, что я один не вижу разницы, – печально вздохнул прима-мастер, заставив меня заскрипеть зубами. – Ладно, как тебя называть, я потом придумаю, а пока, мальчик, – он подхватил чертеж и свернул его в трубочку, – иди поешь. Потом вернешься. Рассчитывать коэффициенты совместимости умеешь? – Я даже кивнуть не успела, как мастер Шантей уже продолжил, словно по глазам читая: – Рассчитаешь на стандартный средний конус: пестрая яшма, рубины, амазонит. Первичная категория – защитная. Сделаешь набросок. Это несрочно, но и не тяни.

В первые мгновения я не поверила своим ушам. Что, правда? Он дает мне еще одно задание?

Артефактор усмехнулся, легонько стукнул меня свитком по подбородку, закрывая чуть приоткрывшийся то ли для какого-то глупого вопроса, то ли от счастливого удивления рот, а затем вдруг наигранно сдвинул брови и шикнул:

– А ну кыш отсюда!

Я подорвалась со стула и побежала к двери.

– Жуй хорошо только! Не подавись! – насмешливо прилетело мне вслед.

Я старалась! Честно старалась! Но от мысли, что я, возможно, смогу работать бок о бок с прима-мастером, жевать не получалось. Получилось только проглотить в срочном порядке свои бутерброды, пробубнить с набитым ртом что-то невразумительное в ответ на расспросы Юджина и умчаться обратно на второй этаж – а то вдруг передумает?!

Не передумал. Мое появление было встречено только беглым взглядом. Мужчина убедился, что налет на его кабинет совершила я, а не банда грабителей и убийц, и тут же вернулся к работе. По моему чертежу, как я успела польщенно заметить. Значит, и правда было что-то срочное.

Стараясь не коситься уж слишком откровенно на работу примы, я прошла к отведенному мне столу и принялась за дело. Расчет коэффициента совместимости – это уже задачка посложнее. Мало того что не все камни сочетаются друг с другом, и таблица их взаимодействия на основе зодиакальных созвездий – это едва ли не первое, что вызубривают ученики школы артефактики. Так еще и нельзя просто взять две кучки сочетаемых камней и впаять на глазок, как левая пятка захочет. Сочетаемость строится на количестве камней, количестве их разновидностей в одном артефакте, их качестве и размере. В особенно сложных случаях могут иметь значение и чистота камня, и насыщенность цвета или даже место его добычи, но раз мастер Шантей ничего об этом не сказал, значит, дополнительные параметры учитывать не надо.

Яшма, рубины, амазонит принадлежат созвездиям Скорпиона, Овна и Весов соответственно, одно из лучших сочетаний. На стандартный конус... Я на мгновение прикрыла глаза, мысленно набрасывая расположение камней. Если первичная категория защитная, то ведущую роль стоит отдать амазониту, он обладает среди этих трех самой сильной аурой талисмана-защитника. Затем яшма – оберег от порчи и сглаза. И последнее место – рубин, даст амулету силу, напитает его, закрепит воздействие первого и второго...

С этими мыслями я углубилась в расчеты, из которых вынырнула только на мгновение, когда мастер окликнул и сообщил, что отлучится. Магия камней уже утатила меня в свои манящие глубины, поэтому я лишь кивнула и вернулась к прерванному занятию. А опомнилась, только когда приступила к рисунку и обнаружила, что у меня на столе нет рейсшины¹. В столе ее тоже не оказалось, как и на стеллаже с материалами и инструментами, как и под столом (мало ли...). Я вылезла оттуда и так и осталась сидеть на полу в раздумьях.

Помнится, было сказано, если чего не найдешь – иди к Кайстен, но местной кладовщицы я, откровенно говоря, побаивалась. Одно-единственного раза, когда я сунулась к ней за необработанными изумрудами по просьбе одного из мастеров, мне хватило, чтобы теперь обходить складские помещения по широкой дуге. Поскольку я тогда была вынуждена не только детально обосновать, зачем они мне нужны, но и чуть ли не рассказать всю свою родословную до десятого колена с пометками «не замечена, не привлекалась, не употребляла». Пойдешь к ней за рейсшиной, а потом объясняй, как это я не нашла ее в кабинете у ведущего мастера, и что я вообще делала в этом кабинете, и, кстати, почему он до сих пор не вернул остатки от восьмикаратного сапфира, взятого год назад, поскольку шестикаратного не нашлось. Да-да, это у меня тоже спросили, когда я, стажер, пришла к ней на второй день работы в мастерской. И

¹ Чертежная линейка, используется в основном для проведения параллельных линий.

даже мои недоуменно хлопающие глаза не остановили ее от бурчательной лекции на тему того, как некоторые безответственные примы присваивают казенное имущество. Собственно, тогда я и услышала имя мастера Шантея в первый раз.

Я передернула плечами, представив черный сверлящий взгляд кладовщицы, и поднялась с пола.

Схожу-ка я лучше к мастеру-ювелиру. Им в мастерской О'Тулла была гнома по имени Дейдрэ МакАльпин. К нам, стажерам, она с первого дня отнеслась сердечно, провела экскурсию и даже пару раз сама, без просьб с нашей стороны, приглашала, если в ювелирной происходило что-то такое, на что будущим артефакторам было бы интересно посмотреть. У нее наверняка есть рейсшина, да и кабинет старшего мастера-ювелира расположен всего в двух шагах от кабинета мастера Шантея.

Я сначала неуверенно постучала и, лишь услышав звонкое «войдите!», просунула голову в дверь.

– Мастер МакАльпин, здравствуйте, а...

– Так, дорогая моя, еще раз назовешь меня мастер МакАльпин – и больше никаких показательных ювелирных выступлений! Я вам что говорила, когда прибыли? Дейдрэ! Можно подумать, мне все двести лет, а не каких-то шестьдесят! Я еще, может, и помоложе тебя буду по нашим меркам! – весело ответствовала гнома, едва глянув, кто заявился. – Удачно ты зашла, иди что покажу!

Я торопливо приблизилась. «Что покажу» в исполнении мастера-ювелира обычно выглядело весьма впечатляюще.

– О... – только и смогла восхищенно выдохнуть я при виде огромного серого куска горной породы, который на сколе искрился молочной белизной, рассыпающейся мириадами цветов и оттенков, переливающейся и вспыхивающей при малейшем движении.

Благородных опалов такого размера мне раньше видеть не доводилось. Этот камень чаще встречался в виде тонких слоев или плоских линз, а тут такое богатство. Да он, наверное, размером с куриное яйцо будет, даже больше!

– Красавец, а? – гордо проговорила мастер-ювелир и любовно погладила камень, словно лично его создавала, отстранив от этого тонкого дела матушку природу.

– Не то слово. – Я не удержалась и коснулась кончиками пальцев сверкающего разлома. Даже неоформленный, необработанный камень отозвался на прикосновение скрытой силой, способной горы свернуть. – И куда вы его потом?

– А, Максус отдам! – Гнома улыбнулась и хитро добавила: – Если будет хорошо себя вести.

«Максу?» – едва не переспросила я, но почти сразу сообразила, о ком идет речь, припомнив табличку. Только мое замешательство от Дейдрэ не ускользнуло.

– Ох уж эта молодежь! – тоном древней старушки пробормотала гнома. – Все бы вам радикулит раньше времени другим приписывать! Мы тут стареть не торопимся, поэтому чтобы «вы» я от тебя больше не слышала!

Перед глазами мелькнул насмешливый взгляд и ехидная улыбка, и я мысленно признала, что свойское «Макс» подходит прима-мастеру куда больше, чем благообразное «мастер Шантей». Только вряд ли я когда-нибудь осмелюсь его так назвать даже за глаза!

В Лидийской школе артефактики, превосходящей по престижу даже столичную, панибратство не поощряли. В присутствии учителей мы даже друг к другу обращались на «вы», что уж говорить о тех, кто старше. Так что могла ли я подумать, что в артефактной мастерской О'Тулла, первой в Лидии по работе с камнями и металлами, порядки царят вольные? Хотя стоит отметить, когда я узнала, что по распределению попадаю на обязательную стажировку именно сюда, я вообще не могла ни о чем думать. Ибо сложно думать, прыгая на одной ножке, радостно попискивая и вешаясь на всех попавшихся на глаза одноклассников.

Мастер Дейдрэ бережно, словно младенца, взяла камень в руки и опустила его в широкую глубокую чашу с мутной голубоватой жидкостью.

«Купель Эпаро», – опознала я. Сейчас сложный алхимический состав расщепит все ино-родные тела, помещенные в чашу, кроме тех, что соответствуют заранее заданному образцу. Камень очистится от лишней породы, засияет еще ярче и позволит понять ювелиру, в какую форму лучше всего облечь это чудо.

Жидкость негромко зашипела и начала выделять легкий сероватый дымок. Дейдрэ с чувством выполненного долга отряхнула руки и отвернулась – процесс займет еще немало времени.

– Вот и нечего тут придворные реверансы разводить, – подытожила мастер. – Все мы когда-то стажерами да подмастерьями были. Даже примы.

Она усмехнулась, будто знала нечто забавное о прошлом мастера Шантея, но продолжать не стала, а переспросить я постеснялась. Может быть, как-нибудь в другой раз, когда уже окончательно обнаглюю.

– А ты, кстати, что думаешь? На второй категории остановишься или на третью будешь заявку подавать?

О, этот вопрос для меня никогда не стоял. Уже семь лет назад, когда мне исполнилось тринадцать и меня приняли в школу, я знала, что пятая категория для меня – абсолютный минимум, на котором я готова остановиться, и то только при условии, что в муках породить очередной шедевр², разобью себе голову о стену. О первой, присуждаемой по окончании пятого курса, и говорить не стоило, вторую, получаемую после успешно пройденной стажировки, мама с папой, потомственные артефакторы, мне бы не простили. Третья... уже можно попасть обычным мастером в мастерскую вроде этой. Или податься в надомники, но на сколь-нибудь престижные заказы в таком случае рассчитывать нет смысла. Для ведущего мастера даже в месте попроще нужна минимум четвертая, значит, на пятую стоит замахиваться однозначно. Две финальные категории – прима и гранд-мастер – были сродни мечте и доставались несомненным гениям. А кто знает, вдруг один такой где-нибудь во мне дремлет?

– Буду подавать на третью, – призналась я и не смогла сдержать смущенную улыбку, когда гнома одобрительно кивнула.

– Идеи для шедевра уже есть? Подержи-ка. – Мастер сунула мне в руки затянутое серебряными нитями мелкое сито. – Поможешь звездную пыль просеять?

– Ага, – кивнула я в ответ на просьбу и вздохнула. – Идеи пока нет.

– Ничего, появятся, – весело обнадежила Дейдрэ без толики сомнения в голосе. – От нас еще ни один стажер без шедевра не уходил!

Насыпая в сито искрящуюся звездную пыль, она весело рассказывала мне об одном парнишке, которого идея осенила, пока хозяин лавки, лепреконе Боллиндерри О’Тулл, отчитывал его за испорченный камень. О другом, на которого снизошло озарение, пока он драил полы, разлив по ним несмываемые чернила для начертания рун. О третьем, который вообще едва зашел в мастерскую в самый первый день, увидел ряды артефактов, выставленных на продажу в лавке, хлопнул себя по лбу и засел творить...

Закончив с пылью, я сердечно поблагодарила хозяйку мастерской за весело проведенное время и направилась к выходу.

– Нинон? – окликнула она меня, когда я взялась за ручку двери.

– А? – Я обернулась, уже наполовину погруженная в мысли о том, что после таких историй стоит непременно постоянно носить при себе бумагу и карандаш – вот и угадай, когда придет вдохновение!

² Шедевром называют уникальное произведение мастера, которое становится своего рода открытием в артефакторском деле, его создание является обязательным условием для получения каждой новой категории, начиная с третьей.

– Ты зачем приходила-то? – Гнома смотрела на меня с искренним весельем в карих глазах.

– Ой! – Я отчаянно хлопнула себя по лбу и смущенно озвучила: – Дейдрэ, а у вас... у тебя!.. рейшины не найдется?

Гениальная была идея! Вот как есть гениальная! Не могу найти в инструментах прима-мастера рейшину? Нужно спросить у Дейдрэ!

Так думала я, зажимая упомянутую чертежную принадлежность локтем и примериваясь, как выпутаться из объятий «стража». Подвешенный над входом амулет в отсутствие хозяина исправно сработал на удержание постороннего. Благо это были простенькие «путы», а не какой-нибудь «паралич» или и того затейливее... Это был первый положительный момент, который удалось обнаружить в ситуации. Второй – это то, что новое задание мастера Шантея срочным не было. Так, текущие дела...

Нет, ну, не сидеть же мне в «путах» до его прихода, в самом-то деле? «Страж» вроде не слишком сложный, можно попробовать подцепить управляющую нить и снять защиту. А потом восстановить – мастер и не узнает. Когда он еще полезет проверять сторожевой амулет? К тому времени следы любого вмешательства развеются!

Так рассуждала я, готовя в уме простой шепоток, в народе широко известный как «лезвие», чтобы выполнить нехитрый трюк с отсеканием одной из линий плетения и выбраться из негданной ловушки.

И надо же быть такой идиоткой!

Так ругалась я, после того как от моих манипуляций амулет, вместо того чтобы деактивироваться, вдруг обвалился мне на голову! «Путы» тут же агрессивно сжались, впечатывая бляху амулета вместе с державшей его цепочкой мне в череп. Прямо сквозь скальп, по ощущениям. На любую попытку шевельнуться заклинание теперь отвечало ограничением отведенного мне пространства.

Оставалось только расслабиться и получать удовольствие. И надеяться, что мастер придет как можно раньше. По крайней мере – сегодня.

Повезло! И впрямь пришел сегодня! Я даже не очень долго стояла.

Увидел меня, хмыкнул, щелкнул пальцами, и «путы» опали. Мастер прошел прямо к своему столу, а я облегченно расслабила позу и сдернула с головы шайбу остохорошевшего амулета.

Слезы брызнули из глаз! Я взвыла от боли, а мастер Шантей, успевший закинуть ноги на стол и поставить стул на две задние ножки, чуть не рухнул с этого самого стула на пол.

– Что там?!

Вот хотела бы я знать, что там! Кажется, цепочка амулета звеньями запуталась в выбившихся из пучка кудряшках. Я на ощупь попыталась определить масштабы бедствия. Вроде даже ничего особо страшного. Подцепив пальцами прохладный металл, я попробовала потянуть, потянуть. Цепочка чуть поддалась – и завязла. Потянула сильнее... Больно! Нет, проблема не в освободившихся прядях, видимо, звенья сторожевым заклинанием в пучок вдавило и они там запутались. И это... это... караул!

Не выдержав, артефактор подошел поближе. Сунул нос в проблему. То есть в мою прическу. Но на данный момент – в проблему! Похмыкал. Ухватил за хвостик тоненький металлический ручеек. Потянул в одну, в другую сторону. Цокнул языком. И, дотянувшись до ячеистого стеллажа с инструментами, ухватил ножницы по металлу. Большие, страшные ножницы по металлу. Не успела я пискнуть, что лучше потом сама аккуратно маникюрными ножничками состригу, как негромко звякнуло, и амулет с огрызком стальной змейки шлепнулся на стол. Снова звякнуло – и та часть цепочки, что болталась с другой стороны, улетела туда же.

Мужчина ухватил меня за плечи, развернул в сторону окна, и ловкие пальцы принялись высвобождать угодившие в плен бдительного «стража» кудряшки. Я покладисто сопела, почти уткнувшись носом в чужой свитер и подставляя прима-мастеру макушку. И чувствовала себя донельзя глупо...

Я вдыхала чужой, незнакомый запах, вздыхала и думала, как буду извиняться. Дело предстояло непростое, потому что нужно было, во-первых, собственно, извиниться. Во-вторых, не выглядеть при этом дура душой. Что довольно сложно – ибо чувствовала я себя именно такой!

А спасательная операция меж тем продолжалась. И жизнь показывала, что в одиночку я бы с ней точно не справилась! Мастер Шантей выпутывал короткий кусочек цепочки и тут же скусывал его, не давая злонамеренной змейке насмерть запутаться вновь. Дело медленно, но верно двигалось к победе. Я даже успела успокоиться, расслабиться и теперь вдумчиво сообщала, каким это таким парфюмом тянет от мастера. Что-то свежее. То ли древесное, то ли водное. Вкусное!

– Ладно, парень, рассказывай, как докатился до жизни такой? – пожелал узнать детали моего пленения спасатель, уже привычно проигнорировав мой женский пол.

– Я не нашла в ваших инструментах рейшину, – начала я, так же привычно не обратив на это внимания.

– Верхняя левая ячейка стеллажа, под папками с резервными эскизами, – встрял любезный хозяин.

– Удобно! – похвалила я.

– Я ею не пользуюсь, привык обходиться на глазок, – отозвался он. – Не переживай, парень. И ты со временем так научишься!

Я скептически хмыкнула куда-то ему в грудь, переступила с ноги на ногу – тело устало от одной и той же позы – и продолжила:

– Поскольку на глазок делать чертежи я все-таки не могу, то решила спросить у мастера Дейдрэ, возможно, она сможет одолжить мне рейшину, если у нее есть.

– О, у Дейдрэ есть все! – согласился мастер Шантей. – А то, чего нет, она знает где достать. Она запаслива, как...

– Как хомяк?

– Хуже! Как гном!

Я улыбнулась ткани плотной вязки перед своим носом. Действительно, хозяйственные гномы давно уже стали притчей во языцех.

– Когда я вернулась, сторожевой амулет спутал меня заклинанием.

– Это все понятно, – кивнул мужчина, удобнее разворачивая меня к свету и наклоняя мою голову под нужным ему углом, – непонятно только, как сам «страж» у тебя на голове оказался?

– Я пыталась отсечь управляющие нити «лезвием», – призналась я, – но он почему-то оборвался с крепления! Хотя я, убей, не пойму почему...

Мастер в ответ невнятно угукнул и, отхватив ножницами еще несколько звеньев, потянул их на себя, просто-напросто стаскивая с запутавшихся волосков. Я пискнула от боли, втянула голову в плечи и аж на цыпочки поднялась. Несмотря на осторожность артефактора, чувствовала я себя так, что впору в обморок грохнуться!

– Вот поэтому, парень, я и не хотел связываться со стажерами-девушками! – выдал внешне Максимилиан Шантей, вызвав у меня ступор и легкий шок. – Девушки – существа с тонкой душевной организацией, требующие деликатного подхода и бережного обращения! Вот разве посмел бы я оставить девушку без обеда? – продолжал вещать над моей головой мастер, одновременно вытягивая из спутанных прядок еще несколько звеньев.

Э? Это меня что, так отвлекают? Спасибо, я отвлеклась!

– И что, что заказ срочный? Это с парнем можно без церемоний! А вот с девушками – никак. Слова грубо не скажи, в сердцах при ней не ругнись, сплошные проблемы, словом...

Мастер подергал очередной кусочек цепочки. Не-а, ни туда и ни сюда. Охватил мою голову ладонями, нагнул в одну сторону, в другую. Решения не находилось. Тогда он попросту взял и вытащил из пучка шпильки!

Ну, если этот наивный человек думает, что так все станет проще, то боги ему в помощь! Кудряшки радостно рассыпались по плечам, сворачиваясь в тугие шоколадные спиральки и прыгая от благодарности к освободителю. Я обреченно вздохнула – все, теперь только выстригать! Мастер Шантей озадаченно пробормотал: «Н-да...» – и с новыми силами взялся за дело.

– Нинон... – окликнула заглянувшая в мастерскую прима-мастера Дейдрэ. – Опа! А что это вы тут делаете?

Я смущенно отшатнулась, стараясь создать дистанцию между собой и мастером.

– Стажера моего спасаем, – буркнул мужчина сердито, за плечи возвращая меня на прежнее место. – Не видишь, что ли?

Мастер-ювелир любопытно заглянула ему в руки, огорченно присвистнула, и дальше спасательная операция продолжилась с участием уже двух мастеров.

– Дейдрэ, ты чего-то хотела? – деловито уточнил прима-мастер. – Так, ты вот сюда прядь потяни, а я звено подрежу!

– Угу, давай! – Не прекращая возиться у меня в волосах, гнома ответила: – Я сейчас отливку кольца под заготовку охранки начну с применением «холодного пламени». Думаю, Нинон такого не видела, ей интересно будет.

Ну да, нам ювелирное и кузнечное дело довольно обширно читали, но с «холодным пламенем» практики не было, только теория. Я бы посмотрела...

– Так, тут вот еще сильно запуталось. Давай вот так попробуем!

– Терпи, стажер, чуть-чуть осталось!

Я покорно терпела. Но от слов «чуть-чуть осталось» у меня разом устали ноги, заныла шея, зачесалась спина, захотелось одновременно пить и в туалет.

– А если там чуть-чуть, давайте я просто оставшееся обрежу, да и все?

– Я тебе обрежу!

– Цыц! – шикнули на меня в два голоса.

Вот так и предлагай из наилучших побуждений.

– У тебя замечательные волосы, – от души похвалила мастер-ювелир, и я вздохнула.

Нет, в общем и целом я была с ней согласна. Но момент для комплимента казался мне не совсем подходящим. Как и для рассказа о том, что в детстве я все время хотела свои волосы пожевать – они по цвету были так похожи на шоколад, что и вкус, с моей точки зрения, должен был быть весьма неплох!

Я снова вздохнула. Вот у самой гномы коса была восхитительная. В руку толщиной, насыщенного медного цвета. Длинная, ниже пояса, украшенная изумительными фигурными наконечниками в двух-трех местах. Я тайком один рассматривала – работа филигранная. Интересно, это мастер сама делала?..

Боги, о чем я думаю!

– Ну, так что, ты пойдешь ко мне смотреть? – вмешалась в мои мысли гнома.

– Нет. – Я с сожалением отказалась от любезного предложения. – Я задание мастера Шантея только начала.

Признаться, вот за это я ожидала нахлобучки, но вверху только неопределенно хмыкнули и тему развивать не стали. А совсем скоро я была наконец свободна!

Мастер Шантей торжественно вручил мне ножницы и вернулся на свое рабочее место, а я принялась устранять последствия возни. По намертво вбитой за годы обучения привычке не разбрасывать где попало частички себя я собрала случайные волоски, смела в совок ока-

завшиися на полу остатки цепочки. Выбросила в урну, постеснявшись при мастере сыпать все это на листик, заворачивать и прятать в сумку, чтобы потом сжечь. В ответ на это медная урна полыхнула бесцветным пламенем, которое тут же опало, оставив после себя пустоту – ни копоти, ни сажи...

Ну, ничего ж себе, предмет интерьера! А если б я туда руку сунула?! То-то я удивлялась, чего это она такая толстостенная, массивная. Попробовала посчитать, что там должно быть нанесено и как, сбилась, запуталась и плюнула. Только головой покачала – не лень же кому-то на такое силы тратить! Кудряшки весело запрыгали, согласные с моим недоумением.

Так, где там мои шпильки? В несколько привычных движений свернув волосы в тугой узел, я подошла к столу, где валялись остатки амулета. Сам амулет в порядке и не пострадал, а вот цепочка покромсана изрядно. Я задумалась, что делать с коротким, не больше двух дюймов, обрезком.

– Мастер Шантей, а что делать с... – Я за кончик ухватила ту часть цепочки, которая раньше крепилась к потолку. А чем, кстати, она крепилась? Ни кольца, ни вырванного из потолка крепления я что-то здесь не вижу...

Я оглянулась на потолок над дверью – там тоже никакого крепления. И вообще, никаких следов, что оно там было! Еще раз внимательно осмотрела ту часть подвеса, что была у меня в руках.

Мастер с интересом наблюдал за моими переглядками.

Это... Подождите, он что... Он амулет на шепоток подвесил?! Это получается – я час простояла, спеленатая заклинанием, только потому, что один разгильдяй поленился повесить амулет по правилам?!

Я медленно-медленно подняла на него взгляд. Мои зеленые возмущенные глаза встретились с его бессовестными серыми, и я точно поняла – да, все так и есть. Неудивительно, что «лезвие» неуправляющую нить срезало, а крепление снесло!

Да я как дурочка там стояла! Я чуть со стыда не сгорела, когда меня, как младенца неразумного, два мастера из силков выпутывали!

Жажда крови и мщения захлестнула с головой...

Так, спокойно, Нинон! Это прима-мастер, и он нам в будущем еще пригодится! Потом убьешь.

Я выдохнула. Осторожно положила стальной ручеек на стол.

– Мастер Шантей, там мастер МакАльпин собирается отливку с «холодным огнем» делать! Я пойду посмотрю? – самым сладким из всех возможных голосов спросила я, ласково глядя на эту бесстыжую физиономию.

– Да, иди, конечно, – светло отозвался мастер, не испытывая, по-моему, ни малейших угрызений совести.

Я еще побуравила его взглядом, потом крутанулась на пятках и ушла. Решая по пути непростой вопрос: могу ли я сейчас пожаловаться на него Дейдрэ? С одной стороны, неуместно стажеру ябедничать на ведущего мастера...

А с другой – если я сейчас с кем-нибудь не поделюсь, лопну, к демонам, от смеха!

Рабочий день уже подходил к концу, когда я, в очередной раз не сдержав любопытства, покосилась на работу прима-мастера и с удивлением обнаружила, что он с крайне задумчивым выражением на лице царапает гвоздиком стоящий рядом с его столом массивный сейфовый шкаф. За практически бесшумно скользящим острием оставался красивый ровный след, на пол падала металлическая стружка.

Боги! Что надо с гвоздем сделать, чтобы он так легированную сталь царапал?!

– Что у вас там хранится? – не выдержав, полюбопытствовала я.

– Где? – не понял мужчина.

Я молча кивнула на шкаф. Мастер призадумался.

– Всякий хлам.

Кажется, ответ вполне честный.

– Какие-нибудь дорогие материалы? Ценные ингредиенты? – продолжала допытываться я.

Мастер фыркнул.

– За этим к Кайстен. Все у нее – и дорогое, и редкое, и опасное... – пояснил он мне, не прерывая своего занятия.

– Тогда, может, что-то ценное лично для вас? – Я не теряла надежды узнать правду.

– Нет, точно нет! – Он засмеялся. – А почему ты спрашиваешь?

Я молча и с интересом рассматривала этого потрясающего человека.

– Потому что вы чертите вирийскую защиту. Если вдруг какой-нибудь незадачливый грабитель вздумает влезть в ваш сейф, от несчастного даже тапочек не останется!

Мастер слегка смутился.

– Ну... почему же, тапочки останутся!

– Вы излишне оптимистичны, – не удержалась от шпильки я. – При таком сочетании размеров шкафа, качества основы и соседствующих охранных символов тапочек определенно не останется!

Мастер Шантей изучил бок собственного сейфа. Вдумчиво. Как будто впервые увидел. Сложные многоуровневые символы вирийской защиты гармонично вписывались между традиционным для сейфов плетением «Разряда» и гномьим «Капканом». Над ними, на самом удобном месте, причудливой вязью уходила вверх «Сторожевая лоза» – эльфийская разработка, адаптированная под человеческую силу, – и заканчивалась уже в правом верхнем углу, беря в изящную петлю очередной охранный символ вполне себе человеческого «Скорпиона». Ниже уровня стола мне было плохо видно, но то, что попало в поле зрения, подозрительно напоминало островную клинопись... Ребята с островов издревле славились негуманным и нетерпимым отношением к посягающим на их собственность. Так что вора, покусившегося на эту цитадель безопасности, было жаль.

Но не очень сильно.

Я прилежно выполняла порученное мне задание, ухмыляясь от уха до уха. Нет, мне, конечно, не полагается так радоваться удачной шпильке, но... Я ведь спиной к нему сижу, верно? Значит, он не увидит!

– Стажер Аттария!

– Да, мастер Шантей?

– Поручаю вам посчитать, какое наполнение силой потребуется защитным символам, с одной стороны, а также массу тела и качество обуви – с другой, чтобы в случае несанкционированного проникновения в мой сейф от взломщика не осталось и тапочек. Таблицу итогов предоставить к концу часа!

Ой... Увидел...

Но заняться порученным заданием я не успела. Прямо над моей головой раздался громкий дробный стук, в котором с легкостью можно было узнать ритмы «Марша веселых попугайчиков», песенки, которую пару лет назад распевали по всем углам королевства. Я изумленно втянула голову в плечи, а прима-мастер ухмыльнулся, поднялся и распахнул дверь мастерской.

– Макс, посылку прими! – тут же раздался пронзительный женский крик с третьего этажа, где находился кабинет господина О’Туллы и его секретаря, делопроизводителя, специалиста по связям с общественностью и начальника отдела поставок в одном прекрасном лице дриады Абиес Пинацэ.

– Бегу! – рывкнул мужчина в ответ и тут же с улыбкой повернулся в мою сторону. – Вперед, стажер, посылку надо принять!

Можно было бы поинтересоваться, как связано его «бегу» с тем, что принять надо мне, но, кажется, сегодняшний лимит язвительности в адрес начальства я уже исчерпала. Так что пришлось снова отрываться от расчетов.

– А если спросят, почему я? – Вопрос этот назрел уже в дверях.

– Скажешь, что ты мой подмастерье. Вперед! – скомандовал мастер, возвращаясь к работе.

Ура-а! Меня только что официально повысили!

Так что вниз я полетела, сияя, как идеальной огранки алмаз в свете лампы.

На первом этаже, помимо общей мастерской, находилась еще и небольшая лавка, в которой бойко вела торговлю ведьмочка Марта Нилс в компании с охранником – орком по имени Шаен. Парочка колоритная: она – вся в многочисленных фенечках и браслетах, ожерельях и амулетах, которые были вплетены даже в волосы множеством разноцветных нитей, он – огромная татуированная гора мышц, рядом с которой я себя чувствовала горошинкой, которую при желании можно отправить в полет щелчком пальцев. Честно говоря, глядя на них, я задавалась двумя животрепещущими вопросами: как Марта умудряется не звенеть при ходьбе, словно праздничная лошадка с бубенцами, и как Шаен проходит в двери, потому что визуально он превосходил проемы раза в полтора...

При моем появлении ведьмочка удивленно вскинула брови, а стоящий по другую сторону прилавка мужчина в форме курьерской службы градоправителя Лидия нетерпеливо побарабанил пальцами по отполированной дубовой столешнице.

– Я от мастера Шантея. – Пришлось пояснить: – За посылкой.

– Вообще-то я должен вручить ее лично, – недовольно произнес посыльный. – Это заказ на государственную экспертизу.

– Раз так, – хихикнула Марта, – я даже разрешу вам лично подняться в его мастерскую в моем сопровождении, чтобы посмотреть, какое у вас будет лицо, когда Макс посоветует вам отправиться обратно и вручить все тому, кого он за этим послал, потому что сам он занят и ему не до мелочей.

Мужчина помрачнел, но без лишних разговоров водворил на прилавок средних размеров стальную шкатулку, разрисованную гасящими магические излучения артефакта символами, сунул мне в руки стопку бумаг и ушел, буркнув напоследок «всего доброго!». Искренности я в его голосе, как ни странно, не различила.

– Что-то он легко сдался, – неуверенно отметила я, подходя ближе.

– Ха! Да это наверняка очередное рутинное поручение по соцконтракту. У Макса, например, это контракт с управлением стражи, так что что он их, что они его знают как облупленного. Правда, это не мешает стражникам периодически пытаться делать вид, что работающий на них прима – это не невероятная удача, а их заслуга, – рассмеялась Марта, запрокидывая голову и демонстрируя красивую жемчужную улыбку.

Я понимающе кивнула. Социальный контракт с государством заключали все артефакторы начиная с третьего ранга и все артефактные мастерские независимо от статуса и размера. Сумма контракта и расценки на услуги были строго регламентированы для каждого ранга и не зависели от действительных доходов мастера. Но если к мастерам с третьего по пятый ранг могло обратиться любое государственное учреждение (прима-мастера были приписаны каждый к определенному крупному ведомству), то мастерские получали заказы по соцконтракту от Гильдии в порядке очередности.

Подхватив шкатулку под мышку, я сгребла бумаги, но ведьмочка вдруг ухватила меня за локоть.

– На всякий случай: ты же не потащишь сейчас всю эту макулатуру Максy?

– Э... – Я озадаченно перевела взгляд со множества совершенно незнакомых мне бланков и форм на продавщицу.

Та всплеснула руками:

– Ну, ты же не думаешь, что он сам будет все это заполнять? – Она не уловила в моем взгляде проблесков понимания, а потому выхватила у меня из рук бумажки и выудила из-под прилавка перо и чернильницу. – Давай помогу! Одна ты с ними до ночи провозишься. А у меня пока все равно клиентов нет.

Сидящий на стуле у входа Шаен согласно всхрипнул. Орк вообще мастерски умел при-
творяться спящим и один раз чуть не довел меня до инфаркта вопросом «а чего это мы кра-
демся?», когда я, придя как-то чуть раньше, на цыпочках, чтобы его не разбудить, пробира-
лась в мастерскую. Наверное, это была особая тактика усыпления бдительности возможных
злоумышленников.

Марта торжественно вручила мне перо и тут же начала бодро тыкать в нужные листы:

– Здесь, здесь и здесь пусть поставит автограф, один экземпляр приткни куда-нибудь в
мастерской, два других отнесешь Абиес. Так, это надо заполнить... имя-фамилия... твои, ага.
Ой, какая она у тебя прелестная!

Я невольно поморщилась. Может, и прелестная, но в комплекте с именем для большин-
ства получалось что-то труднопроизносимое.

– Кстати, а прима-мастер Юлий Аттерий не родственник тебе, нет? Звучит похоже... –
Я не была уверена, заметила ли говорливая ведьмочка мое отрицательное мотание головой,
потому что продолжила она, не прерываясь даже на дыхание: – Я недавно в газете читала такой
ужас, такой ужас!

– Какой?

– Умер! – трагически припечатала Марта.

– Убили? – удивилась я. Просто «умер» для меня не очень-то походило на определение
«такой ужас, такой ужас».

– Типун тебе на язык! – Девушка тряхнула разноцветными косичками. – Просто умер!
Ему годков-то уже было, мне в прадедушки годился... так, здесь должность... тебя Макс сюда
как кого послал? Подмастерье? Так и пиши! А здесь все то же самое, только еще описание
коробки подробное, ага... зато ты представляешь, умер без единого наследника, все состояние
казне ушло. Эх, не повезло мне с фамилией... кстати, ты слышала, что король принца женить
надумал? Поедут по всем крупным городам – в каждом прием среди знати. Невесту искать
будут!

– Вот тебе и шанс сменить фамилию, – хихикнула я, за что тут же была награждена
суровым черным взглядом Шаена, который ради этого даже «проснулся».

Ведьмочка послала ему воздушный поцелуй.

– Ну вот вроде и все. Запомнила, что-куда-зачем? И главное – заставь его прямо сейчас
подписать! С Максом, как с дрессированным тигром, нельзя показывать, что ты готова идти
на уступки. Сожрет и кудряшки выплюнет! – хихикнула она.

Я кивнула, сердечно поблагодарила Марту и через ступеньку поскакала обратно вверх –
не терпелось вернуться в мастерскую.

Мастер Шантей как раз отвлекся от работы и отдыхал, покачиваясь на стуле и разглядыва-
вая потолок. Шанс упускать было нельзя, поэтому я торопливо водрузила на стол перед ним
и шкапулку, и бумажки.

– Вот. И здесь, здесь и здесь распишитесь!

– Потом, – отмахнулся мужчина, прикрывая глаза.

– Сейчас. – Я насупилась, искренне веря, что такая милая девушка, как Марта, мне пло-
хого не посоветует, но не очень понимая, как именно я должна заставить приму и при этом не
лишиться только-только обретенного места.

Мастер, прищурившись, одарил меня долгим взглядом. С легкой руки продавщицы мне
мгновенно вспомнилось, что со страшными хищниками главное не разрывать зрительный кон-

такт, а то почувят слабину и мигом набросятся. Поэтому вместо того чтобы потупить, я еще больше насупилась, непроизвольно надувая губы, но взгляда не отвела. А спустя несколько мгновений мужчина хмыкнул себе под нос, качнулся на стуле вперед, и разложенные перед ним листы украсили три размашистые подписи. Я поспешно их сгребла, освобождая рабочее место.

Прима отодвинул шкатулку в сторону, даже не открывая, и явно вознамерился вернуться к прерванному занятию.

– А что там? – не утерпела я, ткнув в нее пальцем.

– А что написано в документах?

– Артефакт на экспертизу. Информация о создателе – скрыто. Информация о свойствах – скрыто. Срок – полгода, – отбарабанила я вычитанные в бумажках сведения.

– Значит, там артефакт на экспертизу, – ухмыльнулся мастер.

– А какой?

– Вот через полгода и узнаешь! – По голосу было слышно, что мое любопытство его не раздражает, а только забавляет, а потому я все-таки решилась пробормотать:

– Через полгода меня уже здесь не будет.

Спустя мгновение выяснилось, что не все коту масленица и новых уступок я от этого человека не дожусь.

– Стажер Аттария!

– Да, мастер Шантей?

– Я, кажется, поручил тебе некоторые крайне важные расчеты – и где они?

– Вы про конус? Я еще не успела. Там...

– Нет, – перебил мужчина. – Я про тапочки.

Мне оставалось только захлопнуть рот и двинуться на свое рабочее место. Эх, обманула меня Марта. Сожрет вместе с кудряшками!

Неделей ранее

– Так, дорогие коллеги! На следующей неделе Школа артефактики пришлет нам стажеров, – торжественно объявил господин О’Тулл на еженедельной планерке.

Присутствующие загомонили в голос.

– Опять?! Да сколько можно... – проворчала кладовщица Кайстен.

– О, а нам как раз крупную партию малахита обработать надо... – вдумчиво прикинул старшина МакКиннон.

– А, ну меня это не касается, я пошел! – Максимилиан Шантей бодро подскочил со своего стула.

– Куда?! Макс, стоять! Стоять, ты куда пошел!!! Ты бы им хоть экскурсию провел, прима, етить его в качель...

– Да ладно, я проведу, мне не трудно... – вздохнула Дейдрэ.

– Ну, тогда тебе их и нянчить, раз не трудно!

– Боги, опять из лавки и на минутку не отвлечешься... – Марта с Шаеном обменялись печальными взглядами.

Голоса множились, наслаивались друг на друга...

– Так! – громогласно объявил лепреккон, разом перекрыв все звуки. – Планерка закончена, идите вы все... работать!

Глава 2. Тонкие девичьи натуры, или О стрессе и его последствиях

Третья неделя сентября в Лидии радовала самым настоящим бабьим летом. Яркое солнце празднично подсвечивало разноцветную листву высаженных по проспекту кленов. Ветер осторожно касался то одного, то другого дерева, не зная, как к ним подступиться, чтобы не уронить на землю их сияющее богатство, и затихал, стоило листьям отозваться возмущенным шелестом. Теплые, мягкие порывы тогда оставляли в покое хрупкое золото и бросались к прохожим, ероша волосы, развевая цветные шелковые платки женщин, срывая шляпы с мужчин и так и норовя заиграть салфетки на столиках кафе «Чудесный горшочек», на террасе которого ввиду хорошей погоды мы расположились на обед.

Заведение это, помимо того что славилось на весь Лавочный Квартал горячим шоколадом и не слишком дорогими, но сытными и вкусными обедами, обладало неоспоримым преимуществом перед всеми остальными подобными кафе – оно располагалось наискосок через дорогу от артефактной мастерской О'Тулла. И, наслаждаясь заслуженным перерывом, мы имели возможность видеть здание мастерской со стороны фасада вместе с парадным входом – три солидные ступеньки, массивная дубовая дверь с металлическими накладками и широкий козырек в ажурной ковке с подвешенной под ним на цепях массивной дубовой вывеской. С веранды «Горшочка» я с удовольствием созерцала нашу мастерскую.

Надо же, «нашу»! Я улыбнулась и продолжила рассматривать каменное здание. Вот не первый раз вижу, а все равно смотрю с удовольствием... На мой вкус, трехэтажная мастерская с окнами в надежных свинцовых переплетах, укрытыми для верности еще и ажурными решетками, и черепичной крышей цвета киновари изрядно походила на своего хозяина, господина Боллиндерри О'Тулла, и вид имела солидный и респектабельный. А может, я и сама все это придумала, не спорю – но мне все равно нравилось так думать. И смотреть. И слушать Марту. И сидеть за столиком, ожидая заказанный обед. И вообще, день выдался замечательный, мне нынче все нравилось, и я была спокойна и благодушна.

Мы – это я, Дейдрэ, Абиес и Марта, немногочисленный, но прекрасный и, несомненно, очень грозный женский состав работников мастерской Боллиндерри О'Тулла. Конечно, была еще Кайстен, которая в теории тоже женщина, но многие любили шутить, что раз уж расу кладовщицы определить никто не в силах, то и в поле уверенными быть нельзя. Шутили так правда только шепотом и отойдя от мастерской на приличное расстояние – во избежание. Да и представить суровую даму попивающей горячий шоколад и жмурающейся от улыбки, глядя на солнце, у меня, хоть убей, не получалось.

Марта встретила нашу спустившуюся троицу с видом самым что ни на есть загадочным и, пробормотав «идемте скорее, я вам такое расскажу!», первой вылетела за двери. И вот теперь, едва мы успели рассестись и сделать заказ, как она заговорщически наклонилась вперед, чтобы сообщить:

– Ой, девочки, у нас сегодня утром тут такое бы-ыло!

– Какое? – Дейдрэ, наоборот, откинулась на спинку стула, едва слышно отстукивая пальцами незатейливый мотив.

Ведьмочка нетерпеливо поерзала.

– Все началось несколько дней назад. Появился у меня тут ухажер...

– Дай угадаю, история носит название «Как сегодня ночью я помогала Шаену прятать труп»? – улыбнулась дриада.

– Почти! – даже не стала возражать Марта, судя по всему, уже давно смирившаяся с шутками на тему чрезмерного чувства собственности, помноженного на недюжинную физическую

силу своего кавалера. – Но дело было так. Зашел на днях мужчина, весь из себя благообразный, такой преуспевающий лавочник по виду. Нужны ему были амулеты от сглаза. И уж так он долго со мной о них беседовал, что я было решила, что дело провальное – ничего не купит. Либо из-за чрезмерной придирчивости, либо денег жаль, а амулет хочется.

– И что? Купил?

Нам принесли заказ, и я с удовольствием втянула носом аромат «лосося по-венуэльски в сметанном соусе» и сглотнула набежавшую слюну.

– Представляете, купил! Но нехотя и только когда я вопрос ребром поставила: брать будем или нет? Ну, купил, я про него и забыла, а на следующий день едва успела за прилавок встать – опять он. Я было подумала, что пришел или возвращать, или жаловаться и требовать компенсаций – а он ко мне с комплиментом! Мол, девушка-красавица, вчера вы мне так помогли, подскажите-ка, а какие у вас защиты от воров имеются в продаже?

– А еще лучше – стоят на окнах, – хмыкнула скептически-практичная Аби. – И одолжите ключ от лавки, если вас не затруднит!

– Да нет же! – Марта оскорбленно надула губы, обидевшись на мнение, что ее красота меркнет на фоне сокровищ магазина. – Он потом начал про меня расспрашивать, про мои увлечения, звал в театр даже! Хорошо, что Шаен не слышал, а то – ой-ей! – прямо в лавке бы ему голову открутил, и получай потом нагоняй опять от нашего «высокого начальства».

Это словосочетание в адрес лепрекона, который ростом был, как говорится, метр с цилиндром, особенно забавляло всех работников мастерской. А самое забавное заключалось в том, что сам господин О’Тулл не видел в нем ничего смешного и важно и с гордостью считал, что таким образом работники благоговейно оценивают его талант руководителя.

– Тогда он ничего не взял, но обещал вернуться. Потом забегал еще пару раз, но не надолго, интересовался новинками. И вот сегодня, представляете, пришел с букетом! С вот таким букетиком. – Для наглядности Марта даже руки раскинула, откинувшись на две задние ножки стула. – И пригласил меня на свидание.

– У-у-у-у, – в один голос протянули Аби и Дейдрэ, а я недоуменно хлопнула ресницами.

– Я не знала, плакать или смеяться, девочки! Вы бы видели лицо Шаена! И вы бы видели лицо этого мужчинки, когда он увидел лицо Шаена!

– Я даже боюсь спросить, куда именно он ему этот букет засунул, – хмыкнула Дейдрэ, ювелирно накалывая на вилку горошины.

– На голову надел, – хихикнула в ладошку ведьмочка.

– Надеюсь, там были не розы, – с видом знатока добавила дриада, щуря ярко-зеленые миндалевидные глаза.

– Астры, – сказала Марта и вздохнула.

То ли по поводу того, что незадачливый ухажер не расщедрился на что подороже, то ли ей его все-таки было немного жалко, то ли она вспомнила о каком-нибудь платишке с рисунком из астр, которого в магазине не нашлось нужного размера. Кто нас, девушек, разберет.

– А у тебя, Нинон, как дела? – любопытствовала Дейдрэ в ожидании чая. – Макс не обижает?

– Обижает! – поспешила наябедничать я. За прошедшее время я уже успела убедиться, что разговоры «между нами девочками» таковыми и остаются, поэтому не стеснялась высказывать все, что накипело, а накипело много! – Он дергает меня за волосы!

– Как это? – удивилась Абиес, приглядевшись к моей прическе.

– А вот так. Стоит кудряшке какой-нибудь выбиться, так он тут же дергает и еще и приговаривает при этом дурацкое «боммм-к!».

Марта неожиданно протянула руку, ухватила за кончик одну из прядей, выбившихся из пучка в неравном бою с ветром, и дернула, не забыв проговорить волшебное слово. А потом

захлопала в ладоши, пронаблюдав, как волосы вновь закрутились в возмущенно подпрыгивающую спираль. Я надулась как мышь на крупу и заправила непокорную кудряшку за ухо.

– В этом определенно что-то есть, – сделала вывод ведьмочка, широко улыбаясь.

– Ага! Только он меня мальчиком назначил. А за волосы дергает, как будто бы девочку!

– Терпи, юнга, капитаном будешь! – гнома от души похлопала меня по плечу.

– Терплю, – покорно вздохнула я, заказывая горячий шоколад навынос. – Только можно я буду подмастерье, который мастером станет? Мне так легче терпеть, а то к плаваниям я совсем равнодушна!

Эта мода – дергать за кудряшки – появилась у мастера Шантея всего пару дней назад, но за это краткое время успела мне надоесть хуже горькой редьки. Приму в отличие от меня подпрыгивающие кудряшки приводили в абсолютный восторг, а мне оставалось только оскорбленно пыхтеть и сопеть, потому что открыто высказывать недовольство я пока не решалась.

Впрочем, польза от «распускающего руки» начальства тоже была. Все работники мастерской щеголяли в специальных рабочих халатах – ремесло артефакторов не самое чистое занятие. Нам же, стажерам, такого счастья не перепало. Настоящая рабочая одежда стоила недорого, так что мы одевались кто во что – чтобы не жалко было испачкать. Мастеру, видимо, надоело созерцать меня в потрепанном жизнью и работой старье – и, придя однажды на работу, я обнаружила на спинке своего стула халат, который мастеру подошел бы по размеру только при условии, что тот усохнет раза в полтора... причем не только вширь, но и ввысь! Самое любопытное, что сам мастер рабочей одеждой чаще всего пренебрегал. То ли пижонил, то ли ленился переодеваться. А обо мне, гляди-ка, позаботился.

...Мы уже подходили к мастерской, когда из дверей выскочил, чуть не сбив нас с ног, Юджин и обрадованно уставился на дриаду.

– Госпожа Пинацэ, вас там господин О’Тулл обыскался, какие-то бумаги найти не может...

– Мама, – тихо произнесла я, вжимаясь в перила.

Цветок в горшке, стоящем на окне возле лестницы, который еще недавно был безобидной фиалкой, согласно кланнул зверскими челюстями и угрожающе растопырил во все стороны листья, словно думал наброситься.

За какой-то час обычная артефактная мастерская превратилась в зачарованные джунгли, где опасность подстерегала на каждом шагу. А все потому, что из сейфа Абиес пропала текущая документация.

Блистательная дриада была в мастерской правой, а заодно и левой рукой нашего рыжего хозяина, а также его гласом и памятью. И совестью. Потому как своей у лепрекона отродясь не водилось. Авторитет ее был непререкаем, но я только сейчас в действительности поняла почему. Обойдя по широкой дуге агрессивную фиалку, я едва не угодила в заросли непомерно разросшегося плюща и, наконец, вывалилась в лавку, чудом не споткнувшись о вздувшиеся, расплзшиеся по всему полу корни пальмы, пробившие глиняный горшок.

Там было на удивлениелюдно, несмотря на висевшую на двери внушительную табличку с надписью «Закрето». Один из стражников в темно-серой форме опрашивал Шаена, другой беседовал с Мартой, а третий, присев на корточки, внимательно изучал пол, словно надеялся разглядеть сквозь переплетения корней следы злоумышленника.

– Нинон? – ведьмочка оторвалась от разговора, окликнув меня. – Что ты хотела?

Стражник мгновенно смерил меня профессионально подозрительным взглядом, но Марта мгновенно заверила его, что в момент, когда произошла кража, я отсутствовала, как и она сама.

– Меня Ма... мастер Шантей послал, – торопливо исправилась я: все-таки девичьи посиделки дурно влияют на субординацию. – Он сказал, что если активировать все имеющиеся у

нас стабилизаторы магического фона и расставить по мастерской, то, возможно, удастся избавиться от этого, – короткий кивок в сторону оскорбленно подобравшей шипы фиалки, – и до того, как Абиес успокоится.

– Отличная идея! – Марта расцвела улыбкой и нырнула в кладовую за прилавком, где хранились амулеты и артефакты на продажу. Индивидуальные заказы мастера обычно держали в собственных сейфах или сдавали Кайстен.

Ассортимент лавки О’Тулла на самом деле был не так уж широк. Мастерская специализировалась в основном на амулетах и артефактах на базе камней и металлов, что мгновенно переводило ее в разряд удовлетворяющих не самые дешевые запросы, но зато славилась качеством изделий. Хотя, конечно, любой каприз за ваши деньги – наше «высокое начальство» за хороший гонорар могло принять заказ хоть на тысячу простеньких фенечек с узелками на удачу, которыми куда больше промышляли как раз ведуны вроде Марты, чем артефакторы. И вязать нам потом эти узелки не перевязать...

Ведьмочка вернулась из подсобки со стопкой из шести коробок.

– Все, что есть. Как думаешь, хватит? Если что, можно в мастерской спросить, вдруг кто-то просто еще не сдал партию?

Я прикинула – два на каждый этаж – и кивнула. Хватит.

Пальмовый горшок вдруг взорвался, осыпав фонтаном земли ползающего по полу стражника и только чудом никого не задев осколками, а пальма вздыбила корни и потянулась ими к Шаену. Орк недолго думая перехватил их и без видимых усилий связал в тугой узел. Растение задергалось как припадочное, пытаясь высвободиться, и чуть ли не заскакало по помещению.

...Или не хватит.

– Сейчас отнесу в общую. – Марта передернула плечами и прижала коробки к груди, как спасательный круг. – Пусть кто-нибудь из мастеров займется. И поскорее бы, пока нас тут не сожрали.

Фиалка согласно хлопнула челюстями.

– А давай я сделаю? – неожиданно для самой себя вызвалась я.

Вообще-то мастер Шантей послал меня просто сообщить об идее, сам он плотно завяз наверху с капитаном стражи, господином О’Туллом и Абиес, а меня позвал местным самым проверенным способом – рывкнув с третьего этажа на второй. И, честно говоря, я возрадовалась, что мне не нужно находиться рядом с ними.

Потому что в кабинете дриады под ее бдительным оком и ласковой рукой растений было значительно больше. Уставший пугаться и шарахаться капитан даже не обращал внимания на питонообразный стебель, ползущий по его плечам. А господин О’Тулл то и дело отмахивался изумрудным цилиндром от так и норовящих забраться ему за ворот листьев очень любопытной драцены.

Один только мастер Шантей не испытывал от происходящего никакого видимого неудобства. Он сидел на диване, закинув ногу на ногу, модные, начищенные до блеска туфли почти сияли в сгустившемся от многочисленной листвы полумраке, а на коленях у него лежал кактус! Трихоцериус белеющий, точно такой же, что стоял у меня дома, совершенно не оправдывал свое грозное название. Длинная густо-зеленая мясистая палка свернулась на коленях у мужчины в каральку и блаженно потряхивала иголочками всякий раз, когда мастер рассеянно между ними почесывал. Утончающийся кверху кончик, представляющий теперь подобие хвоста, блаженно подрагивал и периодически злобно хлестал конкурентов, возжелавших дармовой ласки.

Оторвать взгляд от беспечно скользящих меж сантиметровыми иголками пальцев удалось с трудом...

Абиес сидела на стуле, закинув ногу на ногу. Идеально прямая, горделивая осанка, вскинутый подбородок, едва заметно постукивающие по коленке пальцы, изящные кисти цвета тем-

ного дерева. Темно-зеленые волосы забраны в низкий пучок на затылке, уложены идеально – волосинка к волосинке – не растрепались от нервного бега или мерения шагами кабинета. При беглом взгляде на дриаду казалось, что она каменно спокойна и все происходящее ее нисколько не волнует. И совсем непонятно, почему шефлера с остервенелым рычанием грызет стул для посетителей и все вокруг уже усеяно мелкими щепками.

Зато голос... о, от того, с каким шипением и ядом Аби отвечала на вопросы, от одного только пониженного тембра по спине пробегали неприятные мурашки, заставляющие втягивать голову в плечи и мечтать убраться отсюда, и поскорее.

С одной стороны, Абиес вполне можно было понять. Пропажа всей текущей документации – это не досадная неприятность. Это катастрофа. Сентябрь уже перевалил за середину, а значит, бумажек там накопилось немало – неоплаченные счета, квитанции уже оплаченных заказов, договоры в работе, заказы мастеров по соцконтрактам для общей годовой отчетности... теперь проще застрелиться, чем это все восстановить. А ведь близится конец года, а с ним – отчетный период.

А вот кому могло понадобиться все это добро – непонятно. Денег в сейфе не было, а все бумаги имели величайшую ценность только для мастерской и даже никак не повлияют на работу мастеров, лишь создадут нескончаемую головную боль несчастной Аби и господину О'Тулли, так что на происки конкурентов списать пропажу тоже было сложно. Но задерживаться в кабинете и подслушивать, какие выдвигаются версии, желания не возникло. Слишком уж плотноядно на меня смотрело алоэ вера. Клянусь богами, оно даже облизнулось!

Я поторопилась узнать у примы, зачем он, собственно, желал меня видеть, и торопливо ретировалась с благой вестью к Марте. Мастерскую впору было спасать от нашествия зеленой братии.

И вот теперь мне пришла в голову мысль, что, вместо того чтобы отвлекать от работы мастеров, которые сегодня из-за происшествия и так сбились с графика, я могу и сама заняться установкой амулетов. В конце концов наполнять силой простейшие конструкции умеет и третьеклассник, а я как-никак выпускница и уже почти что мастер второй категории!

Но ответственная Марта все же не отпустила меня одну, попросила выделить кого-нибудь из общей мастерской – и неожиданно отозвался старший мастер. Шон МакКиннон приходился родственником Дейдрэ, каким-то там семиюродным братом. По гномьим меркам вполне себе близкая родня.

Это был плечистый, невысокий и во всех отношениях солидный мужчина в самом расцвете сил. Огненно-рыжая борода собрана в короткую, в ладонь, косицу, не мешающую в работе, и закреплена серебряным кольцом, испещренным густой вязью узоров оберегов, чтобы случайная искра беды не наделала. Чтобы косица не впитывала запах гари, смазки и реактивов. Чтобы едкие алхимические соединения не разрушали структуру волоса. Очень здравая предосторожность, надо бы и себе такой амулетик завести... Только мне бы еще добавить чары на послушность или на выпрямление!

– Когда человек злится – он теряет контроль над собой. Когда злится дриада – она теряет контроль над своей силой. Даже если это такая сдержанная и разумная дриада, как наша. Ну, в смысле – как Абиес Пинацэ, – вещал по дороге об особенностях дриадской магии старшина общей мастерской.

Сейчас Аби, выдержанная, безупречная Аби, непроизвольно фонила силой и ничего не могла с этим поделать. Энергия сочилась из нее, разливалась в пространстве. Живые растения поглощали ее, впитывали дармовую кормежку и использовали для изменения. А если учесть, что эмоциональный настрой дриады, питавшей процесс, задавал тон изменениям, то сами понимаете...

Частично я и так это знала из школьных лекций, а частично меня просветил мастер.

Слава всем богам, что дриадская особенность на мертвые растения никак не влияла, философски заключила я, шагая в компании мастера Шона устанавливать первый из шести артефактов-стабилизаторов магического фона. Потому как встречи с агрессивной магазинной стойкой моя тонкая творческая натура просто не выдержала бы!

– В принципе можно и не вмешиваться, а просто подождать, – продолжил развивать свою мысль мастер, – Аби успокоится, приток энергии, питающей и поддерживающей изменения, прекратится, и наша флора, ведущая себя как фауна, вернется в нормальную форму. Но...

Мы понимающе переглянулись. Вот именно «но»!

Ситуация в мастерской усугублялась тем, что всем растениям здесь хозяйкой была дриада. Даже тем, которые купил-принес кто-то другой. Она приглядывала, заботилась, создавала наиболее благоприятные условия всей зелени в мастерской, не деля на свою и чужую. Как итог – трансформированные растения, обзаведшись псевдоразумом, в упор никого, кроме нее, видеть не видели и других хозяев знать не желали.

Марта, например, покусанная при попытке усмирить собственную настольную орхидею, обиделась на нее насмерть и пообещала выбросить неблагодарную тварь на помойку при первом удобном случае! Разломана кадка пальмы, изгрызена стойка, покусаны стражники.

Фиалки поудирали из горшков и расползлись по мастерской.

Кусачая же орхидея, наоборот, оказалась дивно усидчивой – пыталась цапнуть всех, до кого могла дотянуться, а до кого дотянуться не могла, в тех плевалась едкой вязкой слюной-соком, но своего места не покидала. Шипела, свивала ставшие змеино-гибкими стебли в гадючий кольца... В результате касса и учетные книги магазина оказались недоступны.

Нет, с одной стороны, в этом были и плюсы – дневная выручка теперь была вне опасности. А с другой стороны, вряд ли на нее покусились бы заполнившие лавку стражи порядка!

На третьем этаже, в присутствии дриады, этот паноптикум вел себя куда приличнее. Максимум – аккуратное прощупывание окружающего пространства. Ну, за исключением психованной шефлеры! Да и от нее, кроме стула, никто не пострадал. А кактус и вовсе оказался вполне милым... Я вздохнула, вспоминая сюрреалистичную картину: прима-мастер чешет псевдоразумное растение меж колючками, а оно в ответ урчит от удовольствия...

На первом же этаже, вдали от сурового хозяйского ока, измененные позволили себе некоторые излишества. Некоторое буйство, я бы даже так сказала!

Вообще я была рада, что мастер МакКиннон предложил помощь. Не то чтобы я сомневалась в своих силах, но все надежнее, когда рядом есть опытный... гном, который, если что, направит и подскажет. Мы решили установить по амулету в разных концах коридора на каждом этаже. Так получится охватить гасящим излучения полем всю мастерскую, и даже если кто-то из дриадских питомцев схоронился по углам, действие амулетов их все равно настигнет. И не придется потом загулявшую фиалку по всем мастерским отлавливать.

– Как тебе с нашим примой работается? – с живым интересом спросил мастер МакКиннон, пока я открывала первую коробку и осторожно разворачивала коричневатую упаковочную бумагу, в которую был бережно завернут амулет – продолговатая металлическая бляха с причудливой вязью чеканки и вкраплениями оникса.

Я бросила на старшину неуверенный взгляд. Может, обиделся, что сбежала из его ведомства к другому мастеру? Но нет, смотрит благожелательно и даже с крохотной долей сочувствия. Ну, еще бы, над этой историей с «мальчиком» вся мастерская по углам хихикает.

– Хорошо, – иронично отозвалась я. Это вам не Дейдрэ с Мартой, тут на кудряшки не пожалуешься.

Хотя работалось-то и правда хорошо. Задания мастер давал если и не всегда интересные, то всегда полезные, охотно отвечал на вопросы по делу, давал необходимые пояснения и даже прощал мелкие шпильки. А в свете того, что некоторые однокашники жаловались, что им на стажировке не камни полировать приходится, а столы мастеров вместо уборщиц, грех было

возмущаться и обращать внимание на временами повышенную язвительность и общую обаятельную ядовитость Максимилиана Шантея.

– Ну и замечательно, – отозвался гном, внимательно наблюдая за моими действиями, но стоя чуть в стороне, всем своим видом демонстрируя, что установка на мне, а он тут чуть ли не просто так, погулять вышел.

Итак. По инструкции.

«Разместите на плоской поверхности».

Я положила амулет на подоконник.

«Убедитесь, что в радиусе полутора метров не существует никаких помех действию амулета».

Я бдительно огляделась. В конце концов, надо помнить, где мы находимся, мало ли что за мусор у них тут по углам валяется! А вдруг какая-нибудь мышеловка-артефакт – гений артефактной мысли?! Стоит же у мастера Шантея чудо-урна...

«Прощупайте амулет на предмет изъянов».

Короткий, непродолжительный выброс энергии, недостаточный для того, чтобы задействовать заключенную в амулете силу, иголочками пробежался по линиям, заставил полыхнуть зеленоватым отсветом ониксов и отозвался в ощущениях звонким переливом, похожим на бреление колокольчиков. Все в порядке, рисунок создан правильно, микротрещин и повреждений нет.

«Активируйте».

На этот раз сила полилась из кончиков пальцев медленной тонкой струйкой. Главные ее накопители и источники – ониксы – начали наливаться глубинным светом, разгораясь все ярче и ярче, пока не засияли ровным, интенсивным светом.

– Отлично, – похвалил старшина. – Хорошо ты с энергией работаешь, уверенно. Давай еще один посмотрю, а дальше ты на втором поставишь, а я на третьем – и уговорим наконец этот зверинец.

Мы зашагали в противоположный конец коридора, мимо двери в общую мастерскую, к окну возле лестницы, откуда согнали метлой сердито ворчащую упитанную фиалку.

И все по-новой: распаковать, разместить, прощупать...

Вот только мы не учли коварство и злопамятность местной флоры и фауны.

Я с тонким визгом отдернула руку, когда фиалка шлепнулась на нее сверху, пытаясь обхватить многочисленными мелкими корешками, и от расстройства, что добыча ускользнула, эта многоножка листовая взяла и... сожрала амулет! Распахнула, как можно шире, фиолетовую пасть, проглотила в один присест и довольно встопорщила листья, глядя на нас двумя другими цветками с величайшим удовлетворением.

Мы с мастером МакКинноном в первые мгновения опешили, а затем разом озверевший гном – какая-то зеленая дрянь посмела при мастере-артефакторе покуситься на святое?! – с боевым кличем шлепнул метлой по подоконнику, собираясь расплющить мерзавку в травяную лепешку.

Фиалка рванула в сторону с неожиданной для такого неповоротливого на вид растения прытью и, споро перебирая корешками-ложноножками и балансируя толстенькими круглыми листьями, помчалась вперед по коридору. Старшина кинулся за ней, а я за гномом, бдительно прижимая к груди оставшиеся четыре амулета, чтобы их, пока мы отлавливаем пакостливое растение, еще кто-нибудь не сожрал.

Почувяв погоню, фиалка начала петлять, так что удары метлы всякий раз с громким трескучим хлопком приходились на пустое место. Гном от этого зверел еще больше, а широкая, вполне добродушная физиономия начала равняться цветом с бородой.

В какой-то момент шустрая обжора решительно метнулась в обратную сторону, проскочила между ногами мастера, и вот тут-то метлой уже чуть не схлопотала я. Только чудом успела

вжаться в лестницу, когда она просвистела мимо с разворота и едва не переломилась от очередного удара об пол. А в следующее мгновение распахнулась дверь в общую мастерскую...

Фиалка от восторга подпрыгнула на полметра и рванула туда, так что открывший эту дверь мастер успел заметить лишь смазанное зелено-фиолетовое пятно и, поди, едва не поседел, когда следом за этим пятном в его сторону кинулся старшина с перекошенной физиономией и метлой наперевес.

Я обреченно зажмурилась. Ну все. Тушите свет. Ловля шустрой фиалки в общей мастерской однозначно закончится или смертоубийством, или порчей о'тулловского имущества. И, как следствие, смертоубийством.

– И что это у вас тут происходит? – раздался над головой голос мастера Шантея, спускавшегося вниз в сопровождении капитана стражи.

– Фиалку ловим, – честно призналась я.

Следом за этим из мастерской донеслось сдавленное ругательство и очередной звук удара метлой. Судя по продолжившемуся топоту, вновь безуспешного.

Капитана это заявление, очевидно, не заинтересовало, потому что, пожав на прощание руку прима-мастеру, он удалился в лавку, и до меня отчетливо долетело усталое бормотание «дурдом какой-то». Даже возмутиться захотелось! Что значит «какой-то»?! Между прочим, один из лучших дурдомов в городе, а значит, и в королевстве!

А вот мастер Шантей наверх возвращаться не спешил, а вместо этого облокотился рядом на перила, с интересом прислушиваясь к происходящему в мастерской.

– Я, кажется, советовал установить стабилизаторы.

– Мы и устанавливали, – поспешила оправдаться я, кивнув на прижатые к груди коробки. – Вместе с мастером МакКинноном. Их всего шесть, впритык. И когда устанавливали второй, его... – я на мгновение замялась под заинтересованным взглядом, – фиалка съела.

Прима-мастер совершенно не по прима-мастеровски фыркнул от смеха.

– Что вы, учитель?! Я сделал домашнюю работу, но ее собака съела! – прокомментировал он, и я невольно прыснула. Похоже!

В мастерской вдруг воцарилась полная тишина.

Я любопытно вскинулась, вытянула шею, но от лестницы ничего не было видно. А потому пришлось оторваться от перил и осторожно, на цыпочках, приблизиться к распахнутой двери. Мастер, кажется, последовал за мной.

Тишина.

Нетерпеливо прикусив губу, я подалась вперед, чтобы заглянуть в мастерскую...

А в следующий момент едва успела отшатнуться, когда мимо меня сначала пронеслась затаившаяся до сих пор фиалка, а следом мастер МакКиннон с растрепанной бородой и вставшими дыбом усами. Я шарахнулась с перепугу, запнулась пяткой, потеряла равновесие и уже представила, как красочно плюхнусь на пятую точку – но амулеты не уроню!.. – а вместо этого врезалась во что-то спиной и была крепко ухвачена за талию.

Мастер Шантей без особых усилий чуть приподнял меня, как куклу, помогая встать на ноги, потом встряхнул за плечи, словно проверял на устойчивость, а когда я обернулась и уже открыла рот для смущенных извинений и благодарности, вскинул руку, мгновенно подцепил кончиком пальца кудряшку и дернул!

– Боммм-к, – удовлетворенно озвучил он, и уронить амулеты мне все-таки захотелось. Кому-то на голову!

– Ну все, мое терпение лопнуло! – рявкнул вдруг мастер МакКиннон, останавливаясь и тяжело опираясь на метлу. А затем, еще более громогласно – да-да, с первого на третий: – АБИ!!! Иди призови свой дендрарий к порядку, иначе я за себя не отвечаю!!!

Не прошло и пары секунд, как послышался неторопливый размеренный стук каблучков по ступенькам. Абиес показалась на лестнице, гордая и прекрасная, спустилась, изящно при-

держивая подол длинной юбки, и замерла на самых нижних ступеньках, окидывая коридор таким строгим взглядом, что мне захотелось состроить глазки послушного щенка и завилать кудряшками.

Послышалось глухое ворчание. Слегка потрепанная, но по-прежнему бодрая и пухленькая фиалка медленно выползла из-под лестницы, приблизилась, выплюнула измазанный в зеленой слизи амулет под ноги дриаде и, круто развернувшись, поползла обратно.

Абиес надломила бровь, не сводя с растения взгляда. Фиалка остановилась. Помедлила и... жалобно заскулив, вернулась к хозяйке, бережно протерла амулет листиками и, ухватив его фиолетовой пастью, поднесла мастеру МакКиннону, едва ли не виляя хвостом. После чего она вернулась в свой горшок и там и окопалась, надувшись и отвернувшись цветами к окну.

Не прошло и четверти часа, как вся растительная живность в мастерской угомонилась. И если и не перестала быть живностью, то по крайней мере больше не бросалась на работников. Марта умиленно обнималась со своей орхидеей, которая извивалась и терлась об нее, как кошка. Пальма пристыженно сгребла корнями разбросанную по лавке землю и, прикрывшись осколками горшка, притихла в углу, понуро повесив листья. Даже все чересчур приткие фиалки расплзлись по местам. Только одной, той самой амулетожорливой, надоело сидеть в горшке, она заявила в лавку и теперь развлекалась тем, что восторженно таскала к нашим ногам брошенный карандаш.

Амулеты были благополучно активированы и расставлены, так что до того момента, как растения вновь станут растениями, ждать оставалось не так уж долго.

– Даже жалко, – вздохнула ведьмочка, сгружая под прилавок принесенные мной коробки от стабилизаторов, и вновь кинула карандаш. Фиалка бросилась за ним, вывалив набок фиолетовый язык.

– Попроси Аби, пусть она тебе ее оставит, – хихикнула я.

– Ага, а потом господин О’Тулл меня убьет и уволит! Да, именно в таком порядке, – фыркнула она, опережая мой вопрос. – И все-таки интересно, кому могла понадобиться куча бумажек из разных мастерских.

– Из разных?

– Ага, – ведьмочка кивнула, а карандаш снова отправился в полет. – Мне стражник по секрету сказал, что не только у нас бумаги пропали, а еще у парочки коллег.

И правда, странно. А может, действительно конкуренты чуют? Подгадили таким образом, прибавили головной боли...

Остаток дня, слава богам, прошел без приключений. А вернувшись вечером в свою квартиру на пятом, чердачном, этаже дома № 37 по улице Зеленщиков, я подошла к окну, окинула взглядом крыши домов и внезапно зацепилась им за стоящий возле подоконника кактус. Подумала-подумала и, поддавшись внезапному порыву, почесала ему между колючками.

Довольное урчание мне, конечно же, примерещилось.

Тем же вечером

– Ну, хлопнули!

Кружки взлетели, столкнулись крутыми боками и одним махом ополовинились.

– Ребята, чтоб я еще хоть раз к этим сумасшедшим артефакторам на вызов отправился... Да пусть меня Бездна пожрет!

– Угу! – поддакнул другой стражник, закусывая пиво жирной вяленой рыбкой. – А то вот так явишься – а тебя ам, и нет! И не Бездна, а вшивая пальма...

– Жуть. Натуральная жуть! Ну, парни, будем!

В конце рабочего дня в кабачке на площади Дарованной Любви обмывали минувший день стражники. Следует признать, что вызов в мастерскую О'Тулла и его обитатели, разумные и не очень (да они все там чокнутые!), произвели на бравых ребят очень сильное впечатление...

Глава 3. Великая сила взгляда, или О любви к городу, работе и сосискам

Я сидела на широком низком подоконнике в своей скромной квартирке под крышей в доме № 37 по улице Зеленщиков, пила мелкими глотками ароматный горячий кофе и смотрела на город.

Умытое, недавно проснувшееся солнце всплывало из моря, неспешно поднималось над мачтами кораблей в городском порту. И словно замирало.

И у меня сладко замирало сердце: а вдруг сегодня оно не захочет подниматься выше?..

Но нет, вот солнечные лучи становятся длиннее, а тени – самую малость короче. Солнце чуть-чуть отрывается от корабельных мачт, и я облегченно выдыхаю – сегодня обошлось! Солнце не передумало.

О, я получила прекрасное образование и легко могу объяснить механизм процесса с точки зрения астрономии, геологии и еще пары-тройки хитрых наук. Но сейчас не время прагматичному мышлению и точным расчетам. Это время только для меня, города и свершившегося чуда.

Я мечтательно щурилась, смаковала обжигающе горячий кофе и была абсолютно счастлива.

Такое умиротворение, ощущение гармонии и единства со всем миром удастся испытать нечасто. И мне его приносит утреннее свидание с городом.

Лидий – замечательное место. Он спокойный и несуетливый, но улыбчивый.

И у меня с ним взаимная любовь. Я влюблена в булыжные мостовые и черепичные крыши. В соленый, пахнущий йодом и водорослями ветер.

У меня романтические отношения со скверами и уютными кофейнями. С иглой ратуши, что видна отовсюду, и шпилями университетов – пусть ниже, но зато разноцветными и гораздо более многочисленными. С часовой башней, что знаменита на все королевство, и храмом Всех Богов на Старой площади.

Позже я вернусь в свой маленький провинциальный Берконе и займу положенное мне место в родительской лавке, продолжу по традиции семейное дело, во благовремение создам семью с достойным человеком...

Но сейчас – у меня роман с этим городом.

Я сидела, забравшись с ногами на подоконник, и сквозь приоткрытое окно любовалась ясным прохладным сентябрьским утром. Мои ноги грела старая шкура, руки – чашка, а душу – кофе.

Чудесно все же иногда без особых причин проснуться ни свет ни заря. Теперь у меня было двадцать минут – целых двадцать минут наедине с собой, а потом нужно будет собираться на работу.

Вообще Лидий – город мастеров в отличие от Арданны, надменной и суетливой столицы, где бал правят знать и торговцы. Здесь находятся самые прославленные университеты – и в их числе известная на всю страну (да и за ее пределами!) Школа артефактики. Здесь, в Старом центре, находятся знаменитые мастерские – и самые именитые мастера!

И это накладывает свой отпечаток. Здесь на многое смотрят иначе. И иначе расставляют приоритеты.

Ту же Марту из артефактной мастерской, которая не скрывает своих очень близких отношений с орком-охранником Шаеном, в столице сочли бы распутницей, и общественное мнение поставило бы ей клеймо гулящей. А в Лидии она – свободный мастер и вольна сама решать, с кем делить жизнь (и постель).

Вообще темпераментная парочка в мастерской уже стала легендой, а их стремление при случае уединиться – притчей во языцех. Их не раз заставляли в самый пикантный момент в неподходящем месте, грозились страшной карой и – ничего не делали.

Я сама чуть ли не на второй день стажировки наткнулась на них в кладовке с уборочным инвентарем и с придушенным писком захлопнула дверь. А потом долго еще ходила с пунцовыми щеками и, как подозреваю, ушами!

Да и не упоминая тот случай – про который я, кстати, никому не рассказывала, – мне пару-тройку раз доводилось слышать возмущенные вопли коллег на ту же тему:

– О боги, ребята! Не на рабочем же месте!

– Слушайте! Да вы затра... Достали!!!

– Так. Еще раз застукаю – проклянута на нестояние! И не хихикать! А то тебя – на недержание!

Я ухмыльнулась, одним глотком допила оставшийся кофе, помотала головой, отплеываясь от кофейной гущи, и соскочила с подоконника.

Пора на стажировку.

Я ураганом промчалась по комнате, закрутившись в ритуальных утренних действиях и привычно пригибаясь где следует, чтобы уберечь голову. Квартира находилась на чердаке, и покатая крыша ее была для меня как неким божественным символом свободы, так и по первости источником шишек, которые благо скрывала объемная шевелюра. Кровать приткнулась в нише у самой стены. В душевой, отгороженной застиранной шторкой, даже я едва уместилась. На кухне было тесно вдвоем. Но зато посередине потолок возвышался надо мной в добрых два, а то и два с половиной роста, а уж окно – о, это божественное полукруглое окно с широким подоконником, на котором лежали подушки, – было просто пределом мечтаний.

Вприпрыжку скатившись со своего пятого этажа, я радостно вдохнула свежий солоноватый воздух, поежилась от утреннего холода и, сунув руки в карманы куртки, поспешила на работу.

Там все шло по ставшему уже привычным порядку – лавка, улыбчивая Марта, «спящий» Шаен. Заглянуть в общую мастерскую, поприветствовать однокашников и мастеров, с которыми работала в начале стажировки, выслушать насмешливые пожелания удачи, показать язык Юджину, предложившему переименовать меня из Нинон в Николаса. А потом лестница на второй этаж – через ступеньку вприпрыжку, походя пощекотав листья фиалки. «Доброе утро, Дейдрэ! Ух ты! Да, я обязательно загляну к тебе, как выпадет минутка, посмотреть на заготовки заказа для городской ратуши».

Неожиданность приключилась только в дверях мастерской мастера Шантея, когда я, распахнув дверь, налетела на собственно мастера, в этот самый момент выходившего. Прима озадаченно вскинул брови, а я, поддавшись шальному веселому настроению, не придумала ничего лучше, чем отрапортовать:

– Здравствуйте, мастер Шантей! Стажер Аттария для прохождения стажировки прибыла! Какие будут распоряжения?

И вытянулась по стойке «смирно», щелкнув каблуками.

Искреннее недоумение и даже, не побоюсь этого слова, ошеломление на лице мастера были мне настоящей наградой. Первую пару секунд. А потом мужчина смерил меня насмешливым взглядом с этих самых каблуков до выбившихся локонов, которые я мгновенно пригладила, и расплылся в усмешке:

– Значит так, стажер Кудряшка, я уезжаю, вернусь во второй половине дня, список поручений на столе.

Я открыла рот, чтобы в который раз возмутиться насчет «Кудряшки», которой он взял за привычку меня величать последние несколько дней, но мастер перебил суровым командирским:

– Приступить к исполнению!

– Есть приступить к исполнению, – недовольно проворчала я. Раз уж сама начала игру, отступать негоже.

Впрочем, стоило двери закрыться за спиной, настроение вновь взлетело в мгновение ока, я едва удержалась от того, чтобы попрыгать, хлопая в ладоши. Целых полдня в гордом одиночестве в мастерской прима-мастера! Никаких подколов и покушений на мои волосы! И можно повоображать, что я уже в своей мастерской, сама себе хозяйка!

День определенно обещал быть удачным.

Чуть позже я свято уверилась в мысли, что мастер Шантей обладает даром предвидения и заранее решил наказать подмастерье за излишнее остроумие, потому что список оставленных мне заданий поражал разнообразием скучнейших занятий, венцом которых было составление перечня необходимых для грядущих заказов реактивов и материалов. Нужно было ознакомиться с предварительными сметами, выписать, что требуется, проверить по внутреннему каталогу. А за ним надо еще сходить к Кайстен, чего я откровенно опасалась. После того как прима-мастер взял меня в подмастерья, она, очевидно, записала меня в соучастницы по делу о краже тех несчастных двух сапфировых каратов, и каждый поход за материалами превращался в настоящую пытку... После проверки следовало составить список недостающего и акты запросов – по одному на каждую позицию.

...Интересно, кто занимался этим до меня? Ни в жизнь не поверю, что Макс Шантей сам возился с подобной рутинной нудятиной!

В итоге это задание, хоть оно и значилось где-то в середине списка, я откладывала как могла. И не зря! Потому что на обеде выяснилось, что каталог сейчас лежит у Дейдрэ и она с радостью мне его одолжит, что позволит мне минуть мучительную стадию общения с введливой кладовщицей. Звезды сегодня на моей стороне, не иначе.

Мастер Шантей вернулся за пару часов до окончания рабочего дня, мимоходом поинтересовался, как продвигается «боевое задание», удовлетворился отчеканенным ответом «планово, согласно выданным инструкциям» и с головой ушел в работу, уже не обращая на меня внимания.

Я же, вооружившись каталогом и обложившись сметами, набрасывала пока что черновой вариант списка. Работа шла на удивление бодро, и я ею даже невольно увлеклась, мимоходом оценивая имеющиеся в распоряжении мастерской редкости и дорогостоящие материалы. Да если кому-то удастся ее ограбить, то это не только самому можно всю жизнь жить припеваючи, но и внуков обеспечить. Либо и вовсе лишиться необходимости думать о пропитании и завтрашнем дне – на плаху за подобное, может, и не отправят, а вот к каторге пожизненно приговорят как нечего делать... Так или иначе, а вопрос хлеба насущного будет решен!

Одной рукой я придерживала каталог, норовящий соскользнуть со столешницы, площади которой для такого количества бумаг явно не хватало, другой делала записи, то и дело засовывая карандаш в зубы, когда требовалось перевернуть страницу или притянуть новую смету. После того как я добрых пять минут искала его, когда он закатился в бумажки, и чуть не вернула тщательно разобранные документы к первородному хаосу, из виду я старалась этот коварный предмет не выпускать. Потому что карандаш мой был последний, а таскать их у мастера Шантея, после того как увидела, что у него гвозди могут делать, я опасалась.

...Вот кстати, надо еще запросить у Аби карандаши...

Я щелкнула ногтями по боку большой глиняной чашки, активируя прикосновением цепочку рун, а те, в свою очередь, неторопливо подогрели напиток. Холодный горячий шоколад – большей гадости не придумаешь, а давать ему остывать, заработавшись, – неуважение к такому восхитительному напитку. Именно такое заявление сделал мастер Шантей, когда после очередного моего возвращения из «Горшочка» не с пустыми руками водрузил эту кружку на

стол передо мной. Нет, он над ней, конечно, не сам корпел сумрачными осенними вечерами – на доньшке значилось клеймо одной из артефактных мастерских, но столь неожиданная забота о временном подмастерье меня озадачила. Хотя она и была приятна.

Я поднесла ароматный напиток к лицу, мысленно помянула беса – карандаш в зубах здесь определенно некстати. Не глядя сунула его в пучок и откинулась на спинку стула, поводя затекшими плечами и подпирая каталог коленом.

Чашка приятно грела ладони, а я мысленно уже перенеслась к окончанию рабочего дня. Что бы такое сегодня приготовить на ужин? Может, забежать по дороге в мясную лавку, которую нахваливала мне Марта? И купить там большущих сосисок! Они будут весело шкворчать на сковородке, а мне будет вкусненько-о...

Я блаженно зажмурилась в предвкушении, поставила чашку на отведенное ей место и по привычке покосилась в сторону прима-мастера – чем он там занимается? На одно короткое мгновение мой взгляд встретился с задумчивыми серыми глазами зачем-то обернувшегося артефактора. Он едва заметно улыбнулся мне и каким-то своим мыслям. Я ответила ему улыбкой и качнулась вперед, чтобы снова приняться за работу.

Пальцы безуспешно хватанули воздух над бумагами. Так. А где карандаш?

Я сунулась в каталог. Под список. В сметы. Озадаченно поскребла макушку. Окинула стол рассеянным взглядом. Снова переверорошила все листы, стараясь не перемешать уже наметившиеся стопки – отработано, не отработано, требует уточнения.

Вот гад! Зарекалась же упускать из виду эту заразу!

Снова пролистала каталог. Подняла его. Потрясла вверх ногами. Из страниц вывалился исчерченный ювелирными расчетами лист и линейка. Карандаша нет.

Лист я отложила в сторону, чтобы потом занести Дейдрэ: мало ли что там. Побарабанила пальцами по столешнице. Заглянула под стол. Ничего там не увидела. Вдохнула и полезла целиком, а вылезая, пребольно стукнулась макушкой. Раздраженно потирая ее, выпрямилась и изумленно уперлась взглядом в не пойми как оказавшегося рядом мастера Шантея.

Я открыла было рот, чтобы поинтересоваться, чего изволит высокое командование, но мгновенно, с благоприобретенным рефлексом шарахнулась в сторону, когда мужчина вскинул руку, потянувшись к моим волосам.

Артефактор, судя по всему, кое-какие рефлексы тоже приобрел, потому что цели своей все-таки достиг. Выхватил из пучка карандаш и вручил мне с лицом, полным праведного негодования.

– О чем ты только, позволь узнать, думаешь, Кудряшка? – назидательно проговорил он.

Нет, честно, я даже хотела извиниться. Правда хотела. Ровно до того момента, как меня, потерявшую бдительность, в который раз уже дернули за локон. И мастер Шантей, покровительственно ухмыльнувшись, вернулся к себе за стол.

И вот тогда я ка-а-ак кинула в него каталогом!

...Мысленно.

Вместо этого пришлось удовольствоваться сердитым взглядом в спину, обтянутую светло-голубым свитером. Вот бы он красиво между лопатками влетел. Или выше. В затылок с коротко стриженным ежиком темно-русых волос. У-ух, было бы здорово!

Я плюхнулась обратно на стул. Задорная злость внутри сидеть не хотела и требовала отстаивания моих нерушимых прав на самоидентификацию.

– Мастер Шантей, – с достоинством произнесла я. – Мое имя Нинон Аттария, можно стажер Аттария, и именно так я и прошу меня называть!

– Хорошо-хорошо, – на удивление покладисто согласился мужчина, но добавил прежде, чем я успела поверить своим ушам: – Стажер Кудряшка.

Я даже зубами закрипела с досады. И не обзовешь же его в ответ! И вовсе не потому, что страшно получить втык, а потому, что в голову не приходит ничего столь же метко-язвитель-

ного, а размениваться на мелочи в такой момент не хотелось, ибо возможность высказаться у меня скорее всего будет всего одна. Нет, не выгонит. Хуже. Завалит какими-нибудь совершенно дурацкими заданиями.

– Знаете, мастер Шантей, – все-таки не утерпела я. – Однажды я все же одолжу у мастера-ювелира ее фамильное кайло!

– И она даже тебе его даст, – благодушно отозвался мой личный доставатель, нимало не озаботившись нависшей над ним угрозой моего возмездия.

– Думаете? – Здесь явно чуялся подвох, но любопытство – страшная вещь, и я покорно проглотила наживку.

– Конечно! Ты ей нравишься. Мелкая, нахальная и с зубодробительным именем. Ну, просто гнома!

Я задохнулась от возмущения, а затем отвернулась и зло вгрызлась в кончик свеженайденного карандаша, возвращаясь к прерванному делу. В этот самый момент раздался стук в дверь.

На громкое шантеевское «войдите» в дверях показалась Абиес в сопровождении некоего представительного господина. В одной руке он держал шляпу, в другой – богато украшенную трость, а из кармана сюртука свисала толстая золотая цепочка карманных часов.

– Мастер Шантей, – церемонно произнесла дриада, соблюдая безупречную дисциплину в присутствии постороннего. – Господин Голден желает заказать у нас артефакт, но исключительно в кратчайшие сроки, и упорствует в своем желании, несмотря на то что свободных мастеров, способных выполнить его заказ, у нас сейчас нет. И поскольку господин очень сильно настаивал, я взяла на себя смелость привести его к вам, чтобы вы с ним самостоятельно решили, брать или не брать сверхурочную работу.

Что-то мне подсказывало, что, не стой этот многоуважаемый господин рядом, вся эта речь выглядела бы примерно так: «Макс, там какой-то хлыщ требует артефакт, да побыстрее, возьмешься или мне его послать куда подальше?» И оралась бы она с третьего этажа на второй, после трели гаечным ключом.

– Если вы его убедите, подниметесь, мы оформим заказ. – Это предназначалось уже клиенту, и, плавно и неторопливо развернувшись, Абиес зашагала обратно в свой кабинет.

С некоторых пор надолго оставлять его пустующим дриада не любила.

Макс повернулся на стуле, окинул возможного клиента беглым взглядом и поднялся, протягивая ладонь для рукопожатия, после чего пригласил мужчину за небольшой столик возле стены, на котором лежала лишь стопка чистой бумаги да карандаши – для набросков, а рядом стояли два стула. Мастер периодически принимал клиентов для обсуждения проектов, и этот уголок для бесед с ними и был отведен.

– Видите ли, – уверенно начал господин Голден, не дожидаясь наводящих вопросов. – Я собираюсь сделать предложение одной замечательной особе, и в честь этого мне хотелось бы преподнести ей необыкновенный подарок. Я долго размышлял, что именно может им стать, пока меня не осенило – артефакт! Ценная вещь, которая одновременно может быть изысканным украшением и приносить пользу. Вашу мастерскую мне рекомендовали как лучшую в городе по работе с драгоценностями, а мне требуется именно драгоценность.

– А к чему спешка, милейший? – энтузиазма в голосе мастера слышно не было.

И впрямь, если судить по сметам, которые я обрабатывала (вернее, в данную конкретную минуту делала вид, что обрабатывала, с любопытством прислушиваясь к разговору), то заказов у примы накоплено прилично. Уже имеется с пяток текущих, не говоря уже о плановых на месяц и долговременных вроде той самой экспертизы по соцконтракту, для которой я сейчас как раз выписывала необходимые реактивы.

– Через три дня я устраиваю большой прием, на котором и планировал сделать предложение, а затем дела вынуждают меня уехать из города на несколько недель. Мне хотелось бы все устроить до отъезда.

– Три дня – это очень короткий срок. – Я покосилась на мастера, тот крутил в пальцах карандаш, задумчиво глядя на пустой лист бумаги перед собой. – И какое именно предназначение должно быть у артефакта?

Лицо у господина Голдена сделалось неуверенное. Осенившая его гениальная идея, кажется, не включала в себя такие подробности.

– Что-нибудь... такое... хорошее.

Зная, что видит меня только прима, потому что клиент сидел ко мне спиной, я невольно понимающе ему улыбнулась. Заказчик, сам не знающий, чего хочет, – любимая тема для шуток, подколов и «теплых» пожеланий меж мастерами.

– Здоровье, долголетие, благополучное материнство, защита от порчи и сглаза, душевное равновесие, защита от злых чар, – невозмутимо перечислил мастер. – Хотя нет, на материнство не успею в любом случае, там неделю надо, не меньше... Продолжать?

– Здоровье и долголетие было бы прекрасно, – уверенно произнес мужчина.

Я наострила уши. Вообще-то мастер Шантей перечислял разные типы артефактов, и совмещение двух свойств в одном – задача непростая. И интересная-а-а.

Сметы и каталог были окончательно забыты, я подобралась, как заметившая пичугу кошка, ожидая, что же скажет мастер.

Тот не торопился. Чуть нахмурился, что-то прикидывая в уме. Карандаш пришел в движение – скользил по бумаге, вырисовывал, зачеркивал, штриховал и, наконец, замер. Мастер задумчиво потер подбородок. Ох, как бы мне хотелось знать, что сейчас происходит в этой голове! Чисто теоретически здоровье и долголетие – типы близкие, а значит, совместить их чуть менее сложно, чем, например, то же материнство и защиту от злых чар. Но вот практически... о-о-о, я хочу на это посмотреть! Пожалуйста-пожалуйста, пусть он согласится.

Я не смогла побороть желания забраться на стул с коленками, вцепившись в спинку, и уставилась на мастера взглядом преданного щенка, мгновенно забыв все кипевшее буквально пару минут назад праведное негодование.

– Нет, – наконец выдал Макс.

Я почувствовала себя лопнувшим мыльным пузырем и огорченно надула губы. Ну-у, так нечестно! Я так хотела понаблюдать за этой работой! Ну, передумай! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

– Во-первых, чтобы успеть, придется работать сегодня полночи, потому что еще день, а лучше полтора после этого заряжать артефакт нельзя, камни должны «привыкнуть» друг к другу. Во-вторых... – взгляд его рассеянно скользнул по мастерской, остановился на мне, и мастер неожиданно запнулся.

Господин Голден вцепился в эту паузу мертвой бульдожьей хваткой.

– Я согласен на любые условия, на любую цену! Раз это в принципе возможно, то я готов абсолютно на все!

Макс почему-то продолжал неодобрительно смотреть на меня. Я торопливо села как подобает и умоляюще сложила бровки домиком. Неодобрение из взгляда примы все равно никуда не делось, он коротко, как-то даже зло выдохнул, стиснув зубы, и отрезал скороговоркой:

– Хорошо. Но форму я выберу сам из уже имеющихся заготовок, потому что отливать индивидуальный заказ времени нет. Огранку, размер камней и их рисунок в изделии я тоже оставляю на свое усмотрение. Нинон! – Я даже вздрогнула как от неожиданно прозвучавшего в мой адрес окрика, так и от того, что окрикнули меня по имени. – Сопроводи почтенного

господина к Абиес, и оформите заказ, мне некогда тут с вами ерундой страдать! Не забудь напомнить, что надбавку за срочность и ночные следует учесть в двукратном размере.

Мастер стремительно вернулся за свой рабочий стол, а я подскочила чуть ли не до потолка от радости, совершенно, правда, не понимая, на что он злится. Аби своего не упустит, и клиенту придется раскошелиться, а работать с уже имеющимися у ювелиров заготовками – куда проще, чем возиться еще и с индивидуальным эскизом... ну не мог же он так разозлиться только из-за того, что я как-то неправильно села?

– Да и еще, раз нам дополнительная работа привалила, – пробубнил мастер, не оборачиваясь, – доделывай быстрее уже все сметы и бегом к Кайстен за материалами. А когда я рассчитаю, что нужно для этого заказа, сходишь еще раз.

Я уставилась на спину мастера с немим ужасом. Два раза к Кайстен? Да что я ему сделала?!

Спина была пряма, непреклонна и ужасающемуся взгляду не вняла. Поэтому, и поднимаясь к Аби, и краем уха слушая, как они составляют контракт, и провожая господина Голдена к выходу, я мучительно размышляла, за что именно мне сейчас мстит прима-мастер.

К выводу так и не пришла.

– Как так вообще получилось, что Макс взял этот заказ? – неожиданно спросила меня Абиес, когда я занесла ей сметы после первого мучительно выматывающего похода к Кайстен. – Да я этого хлыща отвела к нашему прима только для того, чтобы он его отшил как следует, а то меня он слушать отказывался, упертый как баран. А Макс это умеет делать виртуозно.

– Не знаю, – неуверенно отозвалась я, сортируя сметы по папкам. – Он сначала и хотел отказаться. А потом передумал. Может, пожалел его? Все-таки такое событие.

– Ха, Макс? Расскажи это моей шефлере.

– Не-не! Я отказываюсь общаться с твоей шефлерой. У нее характер хуже, чем у Макса. Если ты очень настаиваешь, могу поговорить с кактусом или драценой!

Аби хихикнула и трагическим шепотом сообщила, будто нас могли подслушать:

– Он вообще жалости не знает.

Вот тут я согласно покивала.

– Ой, Аби, он там такой злой, такой злой... и самое страшное – непонятно с чего! Обычно всегда ясно, почему он бесится, если бесится. Но сейча-ас... сам же согласился!

– Терпи, подмастерье...

– Мастером станешь, – со вздохом закончила я ставшую уже привычной присказку.

– Удачи тебе сегодня ночью, Нинон. – Дриада приподняла уголки губ в улыбке. – Надеюсь, утром мы обнаружим тебя целой и невредимой, а не в виде обглоданных Максом косточек.

Мне оставалось только снова вздохнуть.

Впрочем, обиды на странное поведение мастера быстро забылись, смывшись волной энтузиазма. Во-первых, я еще никогда не видела своими глазами, как делаются спаренные артефакты, во-вторых, я увижу это в исполнении прима-мастера, в-третьих, это будет моя первая ночевка в мастерской. Даже по отдельности эти события были достойны того, чтобы отпраздновать их, хлопая в ладоши, а уж все вместе...

Проводить ночь за работой не такое уж удивительное дело для мастера-артефактора. И не только потому, что бывают срочные заказы. Есть такие артефакты, которые требуют работы при лунном свете. А есть такие, которыми можно заниматься только с заходом солнца. И такие, для создания которых высчитывается подходящий момент, а уж камни совершенно не трогают, если момент приходится на три часа ночи. А иногда просто-напросто требовалась непрерывность процесса, и пусть там за окном хоть государственный переворот совершается, а артефакт бросить нельзя.

И хоть сегодня дело было именно в сроках, что несколько умаляло важность момента, все равно мне предстояло провести целую ночь в мастерской в компании восхитительного артефакта. Ну и прилагающегося к нему прима-мастера...

В мастерской О'Тулла любой мастер, задерживающийся на работе даже на пару часов, обрекал себя на ночевку, потому что защита здания полностью соответствовала хранящимся в нем сокровищам. Солидные гномьи механические замки на дверях и тонкие ажурные, но невероятно прочные решетки на окнах подкреплялись группой сторожевых артефактов, а венцом неприступной крепости становился многоуровневый охранный периметр, который по окончании рабочего дня замыкал наш штатный маг. Поверх всего этого счастья набрасывался сигнальный контур с выводением на ближайшее отделение стражи.

Преодолеть защиту, не поднимая паники, мог либо сам маг, либо тот, кто имел артефакт-ключ. Их было всего три. Один у Марты, которая приходила на работу первой и наводила порядок в лавке, готовила ее к приему покупателей и посетителей, – он отпирал входную дверь и торговый зал, а на общий периметр никак не воздействовал. Второй у Абиес – для общего периметра и приемной. Счастливым обладателем третьего «ключа от всех дверей» являлся сам господин О'Тулл.

Так что после замыкания периметра ни пробраться в мастерскую, ни покинуть ее было невозможно. Даже внутри ее передвигаться без риска вызвать на свою голову отряд злых от недосыпа стражников можно было лишь в ограниченном пространстве. Например, нам будет доступен лишь второй этаж без кладовой да коридор первого.

Закончив с бумагами, я поспешила вниз, чтобы не нервировать лишний раз прима-мастера своим отсутствием (или его мое присутствие сейчас нервнрует?). И едва прокралась к своему рабочему месту и села, собираясь рассортировать полученные у Кайстен материалы, как передо мной плюхнулась пара книг и припечталась сверху листом бумаги, исписанным твердым размашистым почерком.

Я изумленно вскинула глаза на возвышавшегося надо мной мужчину.

– Здесь вся необходимая для создания подобного рода артефактов информация. И список того, что для этого понадобится, – невозмутимо пояснил он. – Приступай к работе, стажер.

– Я?! – вместо удивленного вопроса вырвался какой-то мышинный писк.

– Ты же хотел узнать, как это делается. – В мою голову начало закрадываться жуткое подозрение, что двойной поход к Кайстен – это еще цветочки, а мастер продолжал как ни в чем не бывало: – Вот и узнаешь. Кстати, не забудь, что кладовая закрывается через полчаса.

После чего он спокойно подхватил свою куртку, натянул ее и направился к двери. Я вздрогнула от щелчка, с которым она закрылась. Изумленно перевела взгляд с двери на книги и список. Потом обратно.

Погодите-ка...

Он что, ушел?

Совсем-совсем ушел?!

Я пялилась на дверь еще добрую минуту, но так и не дождалась, что мастер вернется в мастерскую со словами: «Ха! Купилась! Кто ж доверит стажеру создание подобного артефакта, да еще и на срочный заказ?»

Никто не доверит! Это сумасшествие! Нет, он же вернется?!

Так, Нинон, спокойствие, только спокойствие. Дыши ровно. Мастер, наверное, просто хочет, чтобы ты изучила материал и могла отслеживать и понимать, что именно он делает, и не задавала дурацких вопросов.

Да. Точно. А что ушел – так мало ли, какие у него дела перед ночной работой есть, в конце концов, приме перед стажером отчитываться не пристало...

Вот только руки все равно немножко тряслись, когда я взяла в них лежащий поверх пособий лист. Так, камни... в первую очередь янтарь и агат, логично. Они обладают самой мощ-

ной энергетикой в том, что касается здоровья и долголетия. Только вот друг друга совсем не любят. Наверное, именно это подразумевал мастер Шантей, говоря, что камням надо будет друг к другу привыкнуть. Но как он вообще собирался их «ужить» в одном изделии? Мелкие рубины? А рубины зачем?..

Чем дальше я вчитывалась в список, тем устойчивее становилось ощущение, что мне подсунили данные для решения задачи. Но вот беда – нужных формул я не знала.

С трудом подавив желание зарыться в учебники прямо сейчас в поисках ответов на многочисленные вопросы, я побежала со списком к Кайстен. А то, не дай боги, и впрямь закроется, и останемся мы без материалов. Вот тогда-то я буду наверняка знать, на что злится мастер Шантей!

Вернувшись от кладовщицы, я поздравила себя с маленькой победой – выгрызть у Кайстен, собирающейся домой, необходимые материалы оказалось вдвойне сложнее против обычного!

Я с головой ушла в чтение и расчеты, пытаюсь угадать задумку примы. Мной овладел азарт с легкой ноткой светлой зависти и невольного восхищения – да у него на то, чтобы решить эту задачку, минуты две ушло, если не меньше...

Слегка очнувшись я, только когда в мастерскую заглянула Дейдрэ – попрощаться и пожелать удачи. Стрелки на часах и впрямь приблизились к шести вечера – окончанию рабочего дня. Через десять минут Марта закроет лавку, а через пятнадцать замкнется периметр. Я торопливо склонилась над вычислениями – мастер наверняка придет с минуты на минуту, а у меня все еще не сходятся показатели...

Но потом поймала себя на мысли, что то и дело поглядываю на медленно движущиеся стрелки.

Еще десять минут. Пять.

Когда за две минуты до конца рабочего дня распахнулась дверь, я просияла от радости и тут же потухла: это оказался наш маг, Эйрин Матео, проверяющий, не забыл ли кто о времени, заработавшись.

– Ты сегодня в ночь? – уточнил он, видя, что я не тороплюсь собираться при его появлении.

Я только кивнула.

Еще пару раз хлопнули открывающиеся-закрывающиеся двери, и в мастерской наконец воцарилась полная тишина. Выждав еще пару минут, я окончательно забыла про расчеты. Даже подскочила и выглянула в окно, но все, что увидела там, – это удаляющуюся по улице спину Матео.

Мастер Шантей так и не появился.

У меня в голове мгновенно пронеслось целое стадо разнообразных панических мыслей от «а-а-а, он про меня забыл!» до «а-а-а! его по дороге убили, и мне теперь не только самой артефакт сдавать, но и траурный венок покупать...». Подумалось даже, что можно попытаться взломать защиту, тогда примчится стража, и я брошусь к ним со словами «у меня мастер пропал!», но развить эту мысль я не успела.

Пропажа ввалилась в мастерскую и шумно сгрузила на ближайший стол пакет, из которого торчали остроносые перья лука.

– Слава богам! – Воскливание вырвалось само собой. – А я-то уж испугалась, что вы про меня забыли!.. То есть не про меня, а про заказ! И не успеете его сделать.

Мужчина посмотрел на меня с некоторым удивлением, а затем произнес с неискоренимо снисходительными интонациями:

– Мальчик мой, к твоему сведению, до старческого склероза мне еще очень и очень далеко. А что касается заказа, то я, кажется, ясно дал понять, что делать его будешь ты. Рас-

четы начал? – Я только кивнула, потеряв дар речи, а мастер продолжил: – Давай накрывай на стол, есть хочу. А я пока посмотрю, что ты тут понарассчитывал...

Он прошествовал к моему столу и сел, подхватывая исчерканные листы и вчитываясь в них. Я одновременно устыдилась, что писала не очень-то аккуратно, думая, что это только для меня, ужаснулась и восхитилась – как я буду делать?! – и поспешила к пакету, от которого уже начал распространяться умопомрачительный запах жареных сосисок. Разом вспомнилось, что время и впрямь движется к ужину, и я сглотнула набежавшую слюну.

Судя по сногшибательному аромату, они как раз из той мясной лавки, что с таким энтузиазмом расхваливала Марта...

– ...Ну ты же двигалась в верном направлении, – увлеченно вещал спустя четверть часа прима-мастер, забыв как про свое раздражение, так и про ужин и даже про то, что я мальчик. – Какова вторичная функция рубинов?

– Разделительная, – отчеканила я как на уроке. – Без специальной обработки и дополнения другими камнями они могут создавать сильное излучение, направленно гасящее воздействие близлежащих камней. Это я знаю! Но во-первых, эти рубины слишком мелкие, чтобы в достаточной степени разгородить янтарь и агат, а во-вторых, при таком количестве разгородителей как можно добиться, собственно, действия артефакта, если все будет нейтрализовано?

Сосиски оказались огромными и невероятно вкусными. А в сопровождении зелени, свежего молока и хрустящего вечернего, еще теплого хлеба – просто восхитительными. Я наелась уже одной, но совесть не позволяла не доест сие божественное кушанье, так что вторую я мужественно ковыряла уже с меньшим интересом, зато активно обсуждая с мастером грядущее дело.

– Да, – согласился он. – Но ключевое слово – направленно. Смотри. – Артефактор подхватил два куска хлеба и установил параллельно по обе стороны от отрезанного кругляша сосиски. – Это агат, это два рубина. Что будет, если мы установим все так?

– При тех размерах, что вы дали? – Я окинула конструкцию задумчивым взглядом. – Рубины нейтрализуют воздействие агата на янтарь, прямо в артефакте они не перемешаются, но при активации поле действия камня увеличивается... И агат, и янтарь эту преграду преодолеют – и ничего хорошего не получится.

– Верно. – Макс удовлетворенно кивнул. – А так?

И он чуть наклонил хлеб, так, что теперь куски, словно крыша, нависали над «агатовой» сосиской.

Установить камни под углом? Я задумчиво сунула в рот несколько наколотых на вилку горошин. Тогда рубиновое поле будет не перегородкой, а куполом, отражающим энергию камня и концентрирующим ее так, что его воздействие будет направлено только четко вниз, не перемешиваясь с рядом стоящими камнями. По сути, получится артефакт в артефакте. И поскольку таких микроартефактов на браслете будет с десяток... боги, это же гениально просто! И просто гениально!

Мастер ухмыльнулся в ответ на мой ошарашенно-восхищенный взгляд и откинулся на спинку стула, с хрустом откусив от недавнего «рубина».

– А вы правда-правда позволите мне заняться этим заказом?

– Под моим контролем, – уточнил мастер, с сомнением изучая остатки ужина в тарелке. – Да, правда. Но если ты не перестанешь так сиять, то передумаю. Аж глаза режет.

Я старательно и очень показательно нахмурилась. Мужчина подавился смехом.

– За работу, стажер. – Отсмеявшись, Макс поднялся из-за стола. – Ночь не бесконечная, а работы немало.

И то верно.

Формой нам служил браслет в технике скани³ с растительным мотивом и пока что пустующими ячейками для вставки камней. Золотистый янтарь и темно-коричневый агат с желтыми и красными переливами будут красиво чередоваться, а рубины удачно впишутся, добавив сверкания золотым узорам. Правда, с ними придется повозиться: изначально места для них в браслете не предусмотрено, нужно будет самой вплавлять камень в металл, да еще при этом умудриться сохранить нужный угол наклона.

В первую очередь необходимо было рассчитать этот самый угол и выстроить схему расположения силовых контуров. Это мне было не в новинку. Так что, пока я этим занималась, мастер Шантей над душой не стоял, лишь проверил по окончании и сообщил, что можно приступать к работе, и вот тут-то уже пристроился позади меня.

Руки не дрожали, хотя нервничала я изрядно. Одно дело – испортить школьные материалы, другое – те, что принадлежат мастерской и выданы для дорогостоящего заказа. А вдобавок начинать необходимо было с самого сложного и мелкого дела – закрепка этих самых рубинов.

Присутствие мастера за спиной на удивление не напрягало, даже наоборот – обнадеживало. Поди, какую-нибудь глупость совершить не даст, остановит или направит. Поэтому я только повела плечами, готовясь к долгой работе. Склонившись, заправила за ухо случайную прядку и взяла браслет в руки, пристально разглядывая его сквозь стационарную лупу. Тонким лезвием наметила запланированное расположение камней, точно надрезав золото. Взяла в руки стальной стилос – настало время работы артефактора, а не ювелира.

Способность к артефактике – одна из граней магического дара, как, например, и ведовство. Но не всякий маг может стать артефактором, как и не всякий артефактор – магом. Я не могу установить защитный периметр, как Матео, или зашептать зубную боль, как Марта, зато могу точно расплавить золото, создавая нужное углубление для камня. Знакомая, щекочущая кончики пальцев энергия бежит сквозь металлический стержень – и золото поддается, будто глина.

Вставить камень. Проверить угол наклона. Наглухо закрепить. Снова проверить. И все сначала.

Установив первые два камня, я обернулась на мастера, чтобы уточнить, все ли делаю правильно, да так и замерла, не произнеся ни слова. Выражение на лице мужчины было... сложное. Внятно охарактеризовать его почему-то не получалось. В нем перемешались созерцательная задумчивость, некая озадаченность и, кажется, что-то еще, совсем загадочное.

Но в ответ на мой вопросительный взгляд – «что-то не так?» – он едва заметно качнул головой, да еще и глаза мученически к потолку возвел, всем своим видом демонстрируя: «Боги, ну за что мне такой горе-стажер?», а потом взглядом же призвал вернуться к работе.

Я вернулась. Но теперь меня не покидало ощущение пристального рассматривания, от которого аж чесалось между лопатками. Мелькнула и пропала мысль: а разумно ли это было оставаться ночью взаперти с малознакомым мужчиной? Глупости какие, можно подумать, он женщин не видел, чтобы сейчас на меня пялиться! Работай, Нинон!

Первая же проверка убедила меня, что рубины установлены правильно и спланированный «купол» будет работать, так что дальше работа пошла уже веселее.

И в тот самый момент, когда я вставила последний камень и отклонилась, чтобы полюбоваться на собственную работу, абсолютную тишину в мастерской нарушил долетевший с первого этажа жутчайший грохот.

Хотя, наверное, жутчайшим он мне лишь показался. Я подпрыгнула на стуле, оборачиваясь. Мастер Шантей тоже рывком развернулся и уставился на дверь.

Воры? Рабители?! Мамочки, вот угораздило!

³ *Скань* – вид ювелирной техники. Представляет собой ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой, серебряной или медной проволоки.

Но с первого этажа больше не долетало ни звука.

– Сиди здесь, пойду проверю, – неожиданно распорядился мастер, и я тут же подскочила.

– Я с вами!

– Это еще зачем?

– Мне страшно, – поколебавшись, призналась я.

– Одной в освещенной мастерской под защитой «стража», в эффективности которого ты убедилась на собственных кудряшках, страшно, а в темном коридоре в компании возможных грабителей – нет? – скептически уточнил он.

– Вот как раз потому, что убедилась и не хочу оставаться с ним наедине, – пробубнила в ответ я.

Мастер махнул рукой, что в равной степени могло означать как «бес с тобой», так и «сиди на месте». Я предпочла первую трактовку и на цыпочках двинулась следом за ним.

В коридоре и впрямь было непривычно темно. И очень-очень тихо. Эта тишина теперь давила на уши, и я даже поднесла ладонь к лицу, чтобы саму себя заткнуть. Если сейчас что-нибудь снова гроыхнет, я же ка-ак завизжу!

Правда, когда гроыхнуло, вместо того чтобы завизжать, я вздрогнула и неожиданно для самой себя вцепилась в мужской локоть. Встретила изумленный взгляд оглянувшегося мастера. Осознала. Отдернула ладони и спрятала их за спину. И прошептала одними губами: «Простите».

Мастер Шантей только покачал головой и заглянул в лестничный проем, прислушиваясь.

Снизу теперь долетали странные шорохи, позвякивания и... сдавленное, порывающее ворчание. Мастер нахмурился и начал спускаться по лестнице. У подножия он замер, огляделся и озадаченно подытожил:

– М-да...

Застигнутая врасплох фиалка, шурующая среди земли и осколков собственного горшка, изумленно распахнула пасть, из которой выпал глиняный обломок, и теперь переводила взгляд с меня (вроде как своей) на Макса (вроде как чужого). После чего поджала корешки и плюхнулась на бок, прикидываясь обыкновенным цветком.

Мне захотелось вжать голову в плечи и провалиться сквозь землю. Особенно под этим вопрошающе-саркастическим взглядом.

Пришлось признаваться.

Расстаться с амулетожорливой фиалкой, покоровшей наши сердца во время нашествия джунглей, женская половина мастерской оказалась не в силах. И мы всеми правдами и неправдами убедили Абиес оставить ее нам в качестве питомца. А что? Кормить не надо, выгуливать не надо, а уж какое развлечение – скрывать ее от ничего не подозревающих мужчин! Благо фиалка оказалась на диво умна и на рожон не лезла, успешно притворяясь своим менее подвижным собратом в присутствии непосвященных. А по ночам ей, наверное, становилось скучно...

Вывод мастера после моей оправдательной речи оказался крайне неожиданным:

– Ну, хорошо хоть не шефлера! Хотя я бы выбрал кактус.

– Да, было заметно, что у вас с ним особое понимание и душевное родство, – опрометчиво поддакнула я.

Метнувшийся в мою сторону серый взгляд сделал первое предупреждение, и я, покаянно потупившись, сама принялась собирать осколки горшка. Вновь «ожившая» фиалка, соображившая, что все, кажется, в порядке, радостно принялась мне помогать, поднося отдаленные куски и загребая землю листьями. Мастер Шантей наверх подниматься не спешил и наблюдал за происходящим с важным видом погонщика рабов на рисовых плантациях восточных стран.

– Ну что, стажер Кудряшка, вернемся к делу? – поинтересовался он, когда я закончила.

– Мастер Шантей! – в очередной раз возмутилась я.

– Да, Кудряшка? – донеслось уже с середины лестницы.

Я отряхнула испачканные в земле руки и буркнула себе под нос едва слышно:

– Сами вы... трихоцереус.

Слухом боги мастера не обделили.

– Стажер Аттария! – Я ожидаемо втянула голову в плечи и приготовилась к очередной страшной каре в виде нуднейшего занятия. Мастер перегнулся через перила и смерил меня грозным взглядом с ног до головы. – Иди-ка ты... спать!

– Да, мас... – Я внезапно осознала услышанное и оборвалась на полуслове. – Что? Но я же еще не...

– А артефакт я сам доделаю, – мстительно закончило воплощение моего сегодняшнего ночного кошмара.

Нет, я протестую! Это слишком жестоко!

После долгих препирательств, уговоров, улещиваний и обещаний быть «самой-самой» к доводке артефакта меня все-таки допустили. Но к этому моменту нас обоих изрядно распирало от смеха, показать который, правда, мне мешала субординация, а приме – авторитет.

На следующий день

Абиес обмакнула перо в чернила, аккуратно стряхнула излишек в чернильницу и разборчивым, но угловатым почерком вывела в книге заказов «браслет оберегающ., золото + янтарь/рубины/агаты, цена, ночная надбавка, надбавка за срочность, сумма». В графе «итого» получалось нечто астрономическое.

О’Тулл, заглянув через плечо своей незаменимой помощнице, присвистнул.

– Кто взял? – деловито уточнил рачительный хозяин.

– Шантей. – Дриада вписала фамилии мастера и подмастерья.

– Так у него же и без того работы воз, маленькая тележка и еще лукошко с горкой!

Госпожа Пинацэ окинула строку придирчивым взглядом, ничего предосудительного не нашла.

– Знаю. И Макс знает. А вот Нинон не знала! – торжествующе возвестила она, заложила лист промокашкой и закрыла книгу.

Глава 4. Уборка как возмездие, или О древнейших способах обучения плаванию

– Да будет ли хоть когда-нибудь порядок и спокойствие в этом заведении?! Кто погрыз стул?!

Гневный вопль господина О’Тулла сотряс мастерскую, прошивая этажи.

– Он так спрашивает, будто думает, это мог сделать кто-то из нас, – проворчала Абиес, а я как-то машинально прикрыла спиной переставленную в лавку, чтобы была под присмотром, фиалку в новом разноцветном горшке.

– Все четыре ножки! Это была работа лучшего лидийского краснодеревщика!

Голос гремел все ближе, а на лестнице послышались громкие шаги. Лепрекон ворвался в лавку и обвел нас пылающим взглядом. Стоит признать, несмотря на карликовый рост, выглядел он сейчас внушительно и весьма устрашающе.

– Кто я вас спрашиваю?!

Господина О’Тулла отчасти можно было понять. И злился он сейчас скорее всего совсем не из-за стула. Ну... не только из-за стула! За последние несколько дней на хозяина мастерской свалилось столько неожиданно-неприятных событий, что мы старались с пониманием относиться к его внезапным вспышкам раздражения. Особенно если в какой-то степени были в них виноваты...

Марта попыталась убедить «высокое начальство», что стул такой еще со времени похищения документов. Боллиндерри, не первый день знающий свой коллектив, становился тем подозрительнее, чем убедительнее вещала Марта. Но в итоге махнул на нас рукой и шумно утопал обратно на третий этаж, бормоча себе под нос страшные лепреконские проклятия.

Мы с фиалкой облегченно выдохнули.

– Что сегодня? – спросила я у Абиес. – Помимо стула?

– Письмо из Гильдии с суммой сбора на украшение ратуши к приезду короля. – Дриада скупым жестом поправила стопку бумаг, за которыми спустилась к Марте. – Он сначала схватился за сердце, потом за голову. Да даже я слегка удивилась. Такое ощущение, что они там ратушу драгоценными камнями украшать собрались.

– С артефакторов станется, – ухмыльнулась ведьмочка.

Короля с приближенными ждали не раньше зимы, но суматоха в городе уже царила нешуточная. Обновлялись фасады, выкладывались новые мостовые, трех русалок из фонтана на Старой площади забрали на реставрацию. В ходе ее одной случайно повредили хвост и теперь думают, не заменить ли их всем троим на новые и сверкающие.

С мастерской требовались то налоги, то сборы, то срочные государственные заказы на охранные амулеты, суммы и размеры которых менялись день ото дня. А ко всему этому нас еще и чуть не ограбили.

Воры попытались проникнуть в мастерскую, причем успешно преодолели некоторые защитные слои и даже пробрались на первый этаж, но потом зацепили сигнальное заклинание, и примчавшаяся стража их спугнула. Больше всего меня испугало, что случилось это на следующую же ночь после нашей с мастером рабочей ночевки. А что, если бы мы и впрямь вместо фиалки напоролись на грабителей?

Слава богам, потери для мастерской ограничились спиленной решеткой и улетучившимся хорошим настроением господина О’Тулла.

Впрочем, у меня оно сегодня тоже было не ахти. После той ночи мастер на день отправил меня домой отсыпаться. И отоспалась я на радостях так, что сбила себе весь режим и теперь никак не могла вернуться к прежнему ритму. А потому сидела сейчас невыспавшаяся, устав-

шая и злая на своем рабочем месте и, нервно грызя карандаш, изучала справочник редкоземельных минералов. Тяжелое издание в массивном переплете удобно пристроилось на ноге. Я по примеру прима-мастера поставила стул на задние ножки, но на достигнутом не остановилась, а пошла дальше, создав свою вариацию излюбленной шантеевской позы. Закинула щиколотку одной ноги на колено другой и на эту импровизированную подставку пристроила увесистый том.

Том был этого года издания, выпущен после подведения итогов по году предыдущему и, соответственно, содержал все изменения по месторождениям за истекший период. Моя задача состояла в том, чтобы пройти по разделам с основными рабочими минералами мастерской О'Тулла, составить список, указав места добычи и сопутствующие качественно-количественные особенности, характерные для данного месторождения и собственника.

Справочник был тяжел, шрифт – мелок, объем предстоящей нудной работы – удручающ.

К этому моменту я уже привыкла, что бессмысленных заданий мастер не дает, придирками ради демонстрации власти не увлекается, и если он велел что-либо сделать, значит, это зачем-то нужно. Без причины жизнь усложнять ни себе, ни окружающим Макс точно не любил. Но интереснее занятие от этого не становилось.

Я вздохнула и со всей ответственностью погрузилась в работу.

Так-с, полудрагоценные камни закончила, можно начинать драгоценные. Сапфиры. Сапфиры я переписывала, хихикая от воспоминаний о сапфировой эпопее. Она же – Двухкаратная Сапфировая Сага о противостоянии прима-мастера Максимилиана Шантея, гения и разгильдяя, и Доблестного Стража Кладовок О'Тулла Кайстен Гворецки, злыдни и драконицы.

Я перевернула страницу в блокноте и вывела новое заглавие. Изумруды. Любимый рабочий материал отца. Папа с изумрудами обращаться умел и любил, и камни, такие хрупкие и капризные в работе, отвечали ему взаимностью. Педантично и скрупулезно переносил в разливанный блокнот характеристики и особенности камней из приисков Валиорского месторождения, шедшего первым номером в справочнике, я улыбалась своим воспоминаниям.

Лойские прииски. Ново-Лойские. Коронные прииски на реке Игровой. Большинство названий в списке были мне знакомы, в конце концов, я не просто так семь лет в школе штаны протирала. Копи под Моллэ – там самые красивые камни, знаменитые чистотой и цветом. Их любят аристократки, а вот для нашего дела – ничего особенного.

Кармолейские шахты. Оп! А вот это новость – в тамошнем руднике изумрудная жила неожиданно вильнула и пересеклась с силовой точкой! Я вчиталась в цифры и условные обозначения. Теперь камни Кармолейского месторождения, находящегося в разработке компании «МакТревор и сыновья», вполне сопоставимы по насыщенности силой и артефактным свойствам с минералами знаменитого Валиора, которым управляет «Горнодобывающая Северо-Западная компания».

Аккуратно записала важную информацию, сделала пометку – уточнить – и продолжила. Труд оказался хоть и монотонным, но неожиданно затягивающим. Я погрузилась в него с головой...

А потому, когда меня внезапно дернули за кудряшку, традиционно выскочившую из пучка, я от неожиданности взвизгнула, да и врезала подкравшемуся справочником, как будто самостоятельно скакнувшим в руки.

И лишь потом сообразила, кому врезала! На кого я, стажер Нинон Аттария, приличная девушка из хорошей семьи, подняла руку. Книгу... От потрясения я даже потеряла равновесие, и стул со стуком приземлился на все четыре ножки. О боги! Это же не мальчишка-однокурник, это прима-мастер! Мой начальник! Он меня убьет... Или еще хуже – уволит!

С подступающими ужасом и паникой я посмотрела на Макса.

– Мастер Шантей, простите! Я задумалась, и оно само собой вышло, извините, пожалуйста, вам не очень больно? О боги, простите, я нечаянно! – перепуганной скороговоркой частила я.

У него на лице было написано изумление и... веселье? Пойдите, а где же оскорбленное достоинство? Где гнев и возмущение? Где задетая гордость, в конце концов?!

И в тот миг, когда я уже поверила, что все обойдется, что моя выходка, случившаяся исключительно от неожиданности и с перепугу, обойдется без последствий, этот кошмарный человек изрек:

– Стажер Аттария! Вы наказаны!

Что-о-о?!

Не обращая внимания на мою вытянувшуюся физиономию, мастер продолжил:

– За покушение на своего непосредственного руководителя вы приговариваетесь к уборке!

Нет! Нет-нет-нет, только не это! Он сейчас заставит меня убирать, а потом сам же живьем и съест за то, что его драгоценное барахло лежит не так, как он его бросал!

И... и я же не виновата!

– Да вы же первый начали! – неожиданно для самой себя взвилась я. – Вы меня опять за волосы дернули! И испугали! Я случайно отмахнулась! Потому что испугалась! И я же наказана? Это несправедливо!

Мое возмущение так и осталось без ответа – мастер, выслушавший пламенную речь с каменной физиономией, по окончании ее просто указал на приткнувшийся в углу мастерской узкий шкафчик для хозяйственных принадлежностей. Я сдулась и побрела в указанном направлении.

– Ваш фронт работ! – возвестил человек, которого я по скудоумию своему еще сегодня ценила и уважала и которым имела глупость восхищаться. – Разобрать завал на письменном столе, рассортировать все обнаруженные там бумаги, вымыть полы!

Мастер призадумался и, когда я уже почти поверила, что отделаюсь малой кровью, закончил:

– И вымойте окно! А то злые языки утверждают, что пылеотторгающие руны уже не справляются...

После чего он круто развернулся и вышел, насвистывая и аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я оглядела фронт работ. Вымыть полы – это ерунда! Полы здесь и Макс порой моет. Сама видела, как он, скинув свой роскошный пиджачок и не жалея модных туфель, орудует шваброй. С крайне деловитым выражением лица! Так с ходу и не скажешь, что представитель одной из старейших семей города. Письменный стол разобрать – уже сложнее. Обширный, заваленный... Да чем только не заваленный! Я ощутила огромное искушение спихнуть все это в огнеплюющее мусорное ведро, не разглядывая, а потом соврать, что ничего ценного на столе не было. Не без сожаления, но от этой мысли я все же отказалась – так небось Макс и сам убирать умеет! И раз до сих пор этого нехитрого действия не совершил, значит, там на самом деле имеется что-то важное... Может быть!

И вишенкой на торте моего несправедливого наказания – окно! Огромное панорамное окно, поделенное свинцовым переплетом на небольшие квадраты. Заросшее пылью так, будто его со дня установки ни разу не касалась тряпка мойщика стекол. А впрочем, возможно, и впрямь не касалась!

Я еще раз обвела взглядом место своей персональной каторги и почувствовала себя очень-очень несчастной. Такой несчастной я чувствовала себя лишь раз, когда на очередном семейном обеде мама завела речь о том, что, может, мне и не нужно ехать ни в какую школу, а выйти все же замуж и жить себе спокойно по соседству с родителями... Ну уж нет! Я вскинула

голову и с прищуром посмотрела на вверенный моим заботам бардак. Не сдалась тогда – не сдамся и сейчас!

Начну, пожалуй, со стола, а окно и полы – на потом. Хотя... Раз уж я все равно сослана на эту каторгу, надо будет и паутину обмести, а то так вроде в глаза не бросается, а стоит приглядеться – и сразу видно, что у нас по всем углам это пыльное кружево развешено!

Спихватившись, мысленно одернула себя: не у «нас», а у мастера Шантея! И приступила к труду, утешая себя мыслью, что он, по слухам, облагораживает.

В первую очередь нужно было разобрать все бумаги. Каждую я бегло просматривала и сортировала: счета отправлялись в одну стопку, сметная и проектная документация – в другую, рабочая документация по изделиям вроде чертежей, эскизов и предварительных расчетов – в третью. Всевозможные разномастные обрывки, клочки и прочие сомнительные бумажки складировались в аккуратную кучку. Не хватало еще, чтобы прима-мастер, недосчитавшись каких-нибудь гениальных расчетов, приковал меня чугунными цепями к сим галерам! Или в жабу превратил. А что? С него станется – сам-то он в змею регулярно превращается, да такую отменную, хоть яд для нужд градской лечебницы сцеживай!

Мысленно бурча на Макса подобным образом, я бодро шевелила руками. Гора хлама на столе уже ощутимо уменьшилась, когда я вдруг зацепилась взглядом за описание артефакта определения истины.

Мужской перстень, платина 950-й пробы, гладкий ободок, ширина, диаметр, вес... Одиночный восьмикаратный сапфир цвета индиго, клиньевая огранка «овал». Так. Что-то мне в этом описании чудится до боли знакомое! Я призадумалась, припоминая первую беседу с Кайстен. Поворошила бумаги. На столе их осталось не так чтоб много, и ничего, способного прояснить ситуацию, не было. Я временно отложила свою находку. Сперва закончу с уборкой стола!

Стол, освобожденный от нагромождения разнородного хлама, оказался ничего – темное дерево, хорошая полировка, мягкая игра солнечных бликов на гладкой поверхности... Вот за ним я и устроилась, достав с одной из полок открытого стеллажа у противоположной стены толстый канцелярский сшив с каллиграфической надписью «Заказы» на обложке. Содержался он, слава богам, более-менее в порядке, и теперь я методично перелистывала бумаги в поисках нужного изделия.

Не то, не то, не то... Ага, вот! Найденное мной описание артефакта совпало с эскизом из папки, и я вчиталась в техническое задание. Ну, так и есть! В листе заказа фигурирует темно-синий сапфир шести карат веса, а на вшитом тут же эскизе – уже восьми! Собственно, так я и предполагала – вместо того чтобы уменьшать размер камня с риском его повредить, Макс просто изменил проект. Пересчитал напряженность полей, перераспределил вектора – и вуаля! Нет, все-таки он гений. Как элегантно проделано...

Я с интересом вчиталась в схему – удивительно изящное решение! Мне до такого еще расти и расти...

«Вот именно поэтому он отдает указания, а ты их выполняешь, Нинон!» – подсказал мне внутренний голос.

Ничего-ничего, будет и на моей улице праздник! Когда-нибудь у меня тоже появятся имя, статус и репутация, а зеленые подмастерья будут завистливо вздыхать, разглядывая мои работы!

Конечно, на цену артефакта замена камня должна была повлиять ощутимо, но, раз от заказчика претензий не поступило, значит, вопрос улажен. Да и на мощности и характеристиках такая рокировка отразилась исключительно благотворно!

Полистав документы дальше, ничего важного больше не нашла, и уныло осмотрела результаты собственных изысканий. Мне было кристально ясно, что только что я легко и непринужденно сама себе добавила работы. Ибо бросить все как есть мне совесть не позволит, а Макс заниматься подобной ерундой уж точно не будет – зачем? Он и так все прекрасно пом-

нит, так для чего же устраивать бессмысленную возню. Вложив найденный лист в папку вместо закладки, я отправилась на третий этаж, в святая святых Абиес Пинацэ.

Мне предстояло поднять официальную документацию на этот заказ, официально же подтвердить изменение в проекте и списать-таки злосчастные два карата сапфира цвета индиго огранки «овал», уже второй год икающиеся всей артефактной мастерской Боллиндерри О'Тулла.

Все оказалось совсем не так страшно, как я себе навоображала. Аби вникла в ситуацию с полуслова и, не спрашивая, зачем мне это надо (за что ей отдельная благодарность), развила бурную деятельность. В двадцать минут отыскала необходимые бумаги, составила акт списания неучтенных остатков в двух экземплярах и даже великодушно сказала, что может сама завести их у Кайстен. Я от щедрого предложения отказалась, а вместо этого прибегла к подлому приему: к Кладовому Дракону отправилась, предварительно завернув в «Горшочек» и вооружившись тамошним шоколадом навынос.

Это сработало: Кайстен ворчала и ругалась себе под нос на безответственную молодежь, никогда ничего не делающую своевременно, и на бестолковых подмастерьев, из-за которых у серьезных людей по два года несуществующие остатки на учете болтаются, но акты все же подписала. Поблагодарив от души добрую женщину, я, прыгая через две ступени, умчалась на третий этаж – подписать документы у Аби, а также сообщить ей, что в кутерьме с сапфировыми остатками, числящимися за Максом, виновата «безответственная молодежь», то есть она да я!

Чувствовала я себя при этом древним героем, повергающим во прах чудищ и несущим в мир свет и добро.

Вспомнив, что нести свет в мир мне в ближайшее время предстоит в самом прямом смысле слова – окно и паутина в мастерской прима-мастера все еще ждали моего внимания, – я на волне воодушевления ссыпалась по лестнице вниз на первый этаж и заглянула в общую мастерскую:

– Мастер МакКиннон, а у вас, случайно, фартука нет?

Ответом мне был заинтересованный взгляд старшины:

– Хм... Разве что кузнечный!

– А давайте! – развеселилась я.

Фартук, нацепленный из чистого озорства, был мне велик. Жесткая кожа, предназначенная защищать ноги и грудь мастера от горячей окалины и иных мелких, но неприятных случайностей, вместо того чтобы прикрывать меня спереди, просто сошлась сзади на талии. Да и то не туго, потому что завязки закончились. Теперь у меня имелась стоящая колом юбка с провокационным разрезом на самом интересном месте (хоть и надетая поверх штанов).

Расшалившиеся мастера уже по собственной инициативе выдали мне грубые защитные перчатки-краги (годные лишь для того, чтобы засунуть их за пояс – демонстрации ради, ну и чтобы меньше фартук болтался), а еще, уже серьезно – косынку из мягонькой кожи, расписанную защитными рунами. Такими косынками гномьи женщины-кузнецы защищают волосы – от жара горна, от случайных искр, да мало ли от какой еще беды. В работе чего только не бывает, а коса для гномы – это больше, чем прическа!

Выглядела я, правда, во всем этом великолепии... Вот вы когда-нибудь видели воробья в доспехах?..

Впрочем, мне мой вид крайне нравился! Мастерам, кстати, тоже. Они единодушно постановили, что я очень суровый подмастерье, а также чрезвычайно воинственный воробей. С тем я и убежала от них к подвигам и паутине.

Мурлыча развеселую пиратскую песенку, я мыла окно в мастерской Макса Шантея. Паутина к этому моменту бесславно пала под моим натиском, не выдержав атаки шваброй с намотанной на нее более-менее чистой ветошью, и теперь я натирала мягкой тряпочкой стекла в переплете широкой рамы. Злые языки были правы – отторгающие руны и впрямь уже не справ-

лялись с наросшей пылью, и ее пришлось сперва смывать, регулярно выполаскивая тряпицу в ведерке с чистой водой, и лишь потом вытирать насухо, полируя гладкую поверхность до зеркального блеска.

Работы оставалось еще примерно половина недополированного окна, когда снизу, прошивая межэтажные перекрытия, донесся хорошо знакомый (и в данный момент глубоко нелюбимый) голос:

– Стажер Аттария!

Я спрыгнула с любезно одолженной доброй Мартой стремянки, выскочила из мастерской в коридор и, добежав до лестницы, отозвалась:

– Да, мастер Шантей?

Ух ты! А если стоять вот так, наверху лестницы, когда мастер – у ее подножия, можно повообразить себя прекрасной богиней, к которой вызывает жалкий смертный человечиска...

Человечиска смерил меня взглядом снизу вверх и выдал:

– Прекрасно выглядите, стажер Аттария!

Я поправила жесткий, не обмятый еще кожаный фартук, весь в мокрых разводах, и с достоинством отозвалась:

– Я знаю!

Он усмехнулся уголками губ и скомандовал:

– У тебя десять минут. Приведи себя в порядок – мы едем принимать камни у поставщика.

Я уложилась в пять – жутко переживая, что не успею, мастер уедет и придется, вместо того чтобы наблюдать за приемкой драгоценных камней, дальше намывать остохорошевшие стекла. Но, если честно, я готова была собственноручно перемыть все до единого окна в этом здании – лишь бы только один разочек, хоть издали посмотреть, как будут отбирать камни для изготовления артефактов специалисты одной из лучших мастерских в стране.

Главное – не проболтаться об этом Максу, а то ведь и правда заставит мыть...

Когда я выскочила на улицу, на ходу натягивая курточку, мастер и Эйрин Матео уже ждали в легкой закрытой карете. Я опустилась на сиденье, хлопнула, закрываясь, дверца, и экипаж тронулся с места, а мне на колени шлепнулась толстая папка в солидной кожаной обложке:

– Изучай, пока едем. Пригодится!

Я пролистала страницы – стандартный договор на поставку драгоценных камней, в данном случае изумрудов, добывающей компанией. Ничего особенного. Я протянула папку прима-мастеру. Он рассмеялся и покачал головой, отводя мою руку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.